На правах рукописи

003448044

КЛИМКОВА
Людмила Алексеевна

НИЖЕГОРОДСКАЯ МИКРОТОПОНИМИЯ В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

Специальность 10.02.01 – русский язык

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

0 2 ОКТ 2008

Москва – 2008

Диссертация выполнена на кафедре русского языка филологического факультета Московского педагогического государственного университета

Научный консультант:
доктор филологических наук,
профессор Ширшов Иван Алексеевич

Официальные оппоненты:

доктор филологических наук,
профессор Бондалетов Василий Данилович

доктор филологических наук,
профессор Королёва Инна Александровна

доктор филологических наук,
профессор Костючук Лариса Яковлевна

Ведущая организация: Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

Защита состоится «20» октября 2008, в 14 часов, на заседании диссертационного совета Д 212.154.07 при Московском педагогическом государственном университете по адресу: г. Москва, ул. Малая Пироговская, д.1.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Московского педагогического государственного университета (119992, г. Москва, ул. Малая Пироговская, д. 1).

Автореферат разослан «12» 15 2008 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета М.В. Сарапас

Общая характеристика работы

Нижегородская микротопонимия – та, что функционирует на территории Нижегородского края, в частности Окско-Волжско-Сурского междуречья, представляющего собой особую историко-культурную зону (ИКЗ), которая складывалась постепенно в условиях конкретного климата и ландшафта, определяясь «физико-географическими, климатическими, хозяйственными, историческими, демографическими, языковыми и собственно этнографическими факторами в их взаимосвязи» (А.С. Герд).

Названные аспекты междуречья описаны в работах археологов, историков, географов, занимавшихся соответствующими проблемами. В их числе: Е.П. Бусыгин, Ф.В. Васильев, А.С. Гациский, А.А. Гераклитов, Е.И. Горюнова, Н.Н. Грибов, А.А. Давыдова, П.Д. Дружкин, М.Ф. Жиганов, Ю.А. Зеленеев, Н.В. Зорин, В.Т. Илларионов, Л.М. Каптерев, Е.В. Кузнецов, В.А. Кучкин, В.П. Макарихин, П.И. Мельников, В.Н. Мартьянов, Д.Т. Надькин, Г.И. Перетяткович, М.Ю. Пухов, П.Д. Степанов, Е.П. Титков, П.Н. Третьяков, Н.Ф. Филатов, Н.И. Храмцовский и др.; Д.С. Аверкиев, Б.Ф. Добрынин, В.В. Докучаев, А.И. Климов, Э.Г. Коломыц, А.Н. Краснов, Г.С. Кулинич, С.Б. Кульвановский, М.С. Любов, С.С. Станков, М.В. Студеникин, Л.Л. Трубе, А.С. Фатьянов, Б.И. Фридман, А.Т. Харитонычев, Б.С. Хорев, Н.М. Шомысов и др.

Языковой фактор представлен прежде всего территориальными диалектами. Нижегородские говоры неоднократно становились объектом научного рассмотрения, начиная со средины XIX века – со статьи В.И. Даля «О наречиях русского языка» (1852 г.), выявившего некоторые фонетические черты диалектов Нижегородского края и выделившего в нем три типа говоров. Отдельные черты нижегородских говоров рассматривали Д.К. Зеленин, М.А. Колосов, Б.М. Ляпунов, А.А. Потебня, А.И. Соболевский, П.Я. Черных, В.И. Чернышев и др.; а также: Р.И. Аванесов, Н.В. Васильев, Н.Н. Дурново, А.М. Селищев, В.Н. Сидоров, Н.Н. Соколов, Д.Н. Ушаков; в середине и 2-ой пол. XX в. – Е.Ю. Балова (Любова), Б.Ф. Захаров, Т.А. Исаева, Н.В. Казанцева, С.Р. Качинская (Сахарова), Л.С. Коршунова, А.В. Крутова, С.И. Ламохина, Д.А. Марков, О.В. Никифорова, Н.В. Попова, Н.Д. Русинов, И.Д. Самойлова, М.М. Сывороткин, А.З. Трубачева, Е.В. Ухмылина, В.В. Юрасова и др.

В последние десятилетия XX и начале XXI века изучение нижегородских говоров, как и вся русистика, вышло на новый уровень – не просто описательный, но объяснительный, в этнолингвистическом, этнокультурном, социолингвистическом аспектах, через призму языковой картины мира – общей и индивидуальной, антропоцентризма, когнитивизма, языковой личности, коммуникативной прагматики.

При этом в условиях полипарадигмальности русистики и диалектологии как ее составной части сохраняется и традиционная парадигма – системно-структурная организация языка и историзм. Ср.: «<...> и идея системно-структурного характера организации языка, и идея его историзма составили

два решающих парадигмальных устоя современного здания лингвистики, без которых любое исследование теряет статус научного и должно быть выведено за рамки современного подхода к объекту языкознания» (Караулов 2002).

Длительное время обследование нижегородских, как и всех русских, территориальных диалектов было сосредоточено на сборе и интерпретации фонетических, грамматических явлений и лексического апеллятивного материала. Это определялось, в частности, задачей составления атласов и диалектных словарей, в том числе нижегородского. Онимический материал в поле зрения собирателей-исследователей попал в 50-е годы прошлого столетия. Это объяснялось, кроме уже названной причины, и спецификой собственного имени, и молодостью ономастики как науки, а в ее составе – топонимики как науки междисциплинарного характера. Во 2-ой половине XX века топонимия интенсивно изучалась сначала более в этимологическом, историческом, географическом, позднее – в этнолингвистическом, лингвокультурологическом аспектах. Микротопонимия в составе топонимии стала активно изучаться с последней трети XX века. При этом сложилась традиция рассматривать ее как самодостаточный фрагмент, а не в составе диалекта, при взгляде на нее извне, а не изнутри диалектной системы. В концептуальном аспекте чаще всего ограничивались рассмотрением микротопонимии в плане отражения пространства. Все эти моменты представляют микротопонимию как сферу, открытую для наблюдений и анализа.

Наша работа представляет собой попытку заполнить названную интерпретационную лакуну относительно нижегородской микротопонимии. И таким образом, настоящее исследование посвящено изучению одного фрагмента языка повседневности сельского жителя – микротопонимов (названий объектов сельской местности, внутри населенного пункта и вне его), сельских микротопонимических систем – во взаимодействии с другими фрагментами, в частности апеллятивным. При этом анализ их осуществляется в нескольких аспектах: семасиологическом, ономасиологическом, когнитивном, ментальном (вскрываются процессы, сопровождающие возникновение и функционирование единиц), концептуальном (микротопонимы рассматриваются как средство вербализации ключевых понятий в ментальной сфере этноса, социума и личности – концептов), системном (как зона пересечения языковых систем), функционально-дискурсном (использование в коммуникативной деятельности носителя системы).

Объект исследования составляет региональный материал, фрагмент языковой картины мира (ЯКМ) одной территории – Нижегородского Окско-Волжско-Сурского междуречья как историко-культурной зоны. При этом слово *фрагмент* используется нами в значении «часть» с погашением семы ‘отрывок’, тем более этимологических ‘кусок’, ‘обломок’ (см.: МАС IV). В работе выстраивается синонимический ряд *фрагмент – часть – компонент*. Определение *региональный* используется в значении «относящийся к данному региону», с включением наблюдений в соответствии со значением «характерный только для данного региона», без подчеркивания сугубой региональности черт, хотя микротопонимия всегда региональна и по большому

счету специфична, как специфична ИКЗ, в которую она входит. Различные толкования ономатологами значения лексем *регион*, в том числе и в понимании историко-культурной зоны, *региональный* подобраны в (Материалы анкетирования 1993).

Предмет исследования – микротопонимия региона, взятая в единстве различных аспектов ее существования, как система микротопонимических комплексов, при этом каждый комплекс составляет сам микротопоним, его онтологическая, дефинитивная сущность, дискурсно-текстовая часть, координаты объекта, адрес микросистемы.

Микротопонимический фрагмент региональной ЯКМ взят на временном срезе 2-ой половины XX – начала XXI вв., условно говоря в синхронии, хотя строго говоря – это уже и диахрония, потому что за время в более чем полвека в обстановке бурных темпов социального развития, социальных потрясений в этом фрагменте произошли изменения. Наш подход к материалу находится, скорее, в русле синхронно-диахронического аспекта исследования, поскольку само понятие синхронности, говоря словами О.Н. Трубачева, – это «идея никогда не достижимой одномоментности» <…>, «по-моему, в синхронии мы всегда имеем дело с результатом <…>» (Трубачев 1976). Каждый микротопоним – это результат более или менее длительного процесса номинации. Диахронический аспект проявляется и в реконструкции этого процесса самими диалектоносителями, и в обращенности их к прошлому.

Объем материала – свыше 18000 единиц, зафиксированных в лексикографическом источнике – «Микротопонимический словарь Нижегородской области (Окско-Волжско-Сурское междуречье)» (Климкова 2006, ч. 1-3).

В работе сознательно дается большая эмпирическая база, причем в большинстве случаев не только в виде самих микротопонимов как номенклатурных единиц, но и в виде целостных микротопонимических комплексов, с целью подтверждения предпосылочных теоретических установок и обоснованности выводов.

При анализе материала мы исходили из следующей **гипотезы**: микротопонимия на компактной территории проживания этноса в соприкосновении с другими этносами представляет собой фрагмент региональной диалектной ЯКМ (в составе этнической) как высокоинформативную систему и в концептуальном, и собственно языковом отношении, заключая в себе как общерусские черты, так и региональные, обусловленные спецификой ИКЗ.

Общая **цель** работы состоит в том, чтобы дать комплексный, разноаспектный анализ микротопонимии Нижегородского Окско-Волжско-Сурского междуречья как фрагмента региональной языковой картины мира, представив ее изнутри как средство формирования и выражения знаний сельских жителей об объективном мире, как средство его познания, восприятия и концептуализации.

Задачи работы отражают как названную разноаспектность анализа материала, так и характеристику его сущности в составе региональной языковой картины мира, являясь, в свою очередь, комплексными. В их числе:

1) При определении исходных теоретических позиций исследования акцентировать внимание а) на феномене языковой картины мира в соотношении с концептуальной, на типах ЯКМ, выделив и интерпретировав диалектную, региональную и топонимическую картины мира как компоненты русской ЯКМ; б) на специфических признаках микротопонимов как одного из средств выражения категории проприальности, на явлении, ментальных механизмах формирования микротопонимов как результата синкретичного процесса номинации, на особом характере их понятийности.

2) Проанализировать окско-волжско-сурскую микротопонимию в семасиологическом и ономасиологическом аспектах, а также в плане отражения (в том числе при участии элементов апеллятивного пространства) основных параметров картины мира – концептов «пространство», «время», «человек», «число», «сакральность» в их взаимосвязи; при рассмотрении микротопонимической репрезентации концепта «человек» выявить (в соответствии с историко-культурной зоной) этнический, социальный (в том числе гендерный), индивидуумный (личностный) компоненты, в рамках последнего – коннотативный.

3) Представить микротопонимию региона как часть диалектного языка, региональной ЯКМ в единстве двух ее аспектов – статического и динамического, как систему микротопонимических комплексов.

4) Предложить и реализовать взгляд на микротопонимию как на систему, имеющую полевую структуру, представляющую собой совокупность семантических полей особой организации («сеть»), вскрыв в ней разнообразные системные отношения в их специфике.

5) Показать часть дискурсного компонента микротопонимии – мотивационный, осветив в нем роль микротопонимических единиц в ментальной и коммуникативной деятельности сельского жителя с учетом лингвокретивного, эвристического характера этой деятельности, а также мнемического и эпистемического компонентов в ней, обратив внимание на характер топонимической языковой личности диалектоносителя, пользователя системы.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью систематизировать микротопонимию региона и описать ее как фактор историко-культурной зоны, во взаимодействии с апеллятивной и онимической лексикой, с современных теоретических позиций антропоцентризма, когнитивизма, дискурсной деятельности носителя языка, при сохранении традиционного аспекта анализа – структурно-семантического, и тем самым ввести материал в научный оборот.

Научная новизна диссертации состоит в том, что названный региональный материал (и отдельные его стороны, например, топонимическая мотивация) не был еще предметом обобщенного, комплексного, разноаспектного анализа как фрагмент региональной ЯКМ. Описание участия нижегородской окско-волжско-сурской микротопонимии (при взаимодействии с апеллятивной и онимической лексикой и при актуализации внутрисистемного ас-

пекта анализа) в отражении принципов восприятия мира, его концептуализации и познания человеком дается впервые.

Методологическую основу исследования составляют традиционные парадигмальные устои современной лингвистики – системно-структурная организация языка (и микротопонимии как его фрагмента) и историзм (см.: Караулов 2002), а также идеи когнитивизма и антропоцентризма, восходящие, по большому счету, к традициям в отечественном языкознании в решении проблем соотношения языка и мышления, языка и общества, языка и речи, статики и динамики, проблемы значения (ср.: Кубрякова 1995), номинации, мотивации, словообразования и т.д., пережившим преломление в рамках так называемого трансгрессивного языкознания последней четверти XX века (см.: Блох 2002; Кадькалова 2002; ср.: Демьянков 1995; Руденко, Прокопенко 1995; Степанов 1995; Постовалова 1995; Кузнецов 2000), в результате чего традиционные подходы к языку, структурно-системно-семантическое описание его были дополнены «анализом коммуникативно-прагматического характера» (Земская 1996; ср.: Блох 2002) и получена современная коммуникативно-текстовая лингвистика. Оказались они дополненными, в связи с ориентацией на семантику, и общими принципиальными установками, в числе которых: «экспансионизм, антропоцентризм, функционализм, или, скорее, неофункционализм, и <…> экспланаторность» (Кубрякова 1995).

В числе традиционных подходов к материалу наряду с семасиологическим (структурно-семантическим) находится и реализованный нами ономасиологический, проявляющий особенности номинативного, статического аспекта региональной ЯКМ, раскрывающийся в дискурсе.

Установочная часть нашей концепции ориентирована на познание онтологической сущности микротопонимии как фрагмента региональной ЯКМ, ментальных процессов (зафиксированных в ней процессов осмысления носителями языка окружающей действительности), специфики формирования и функционирования, ее структурно-семантических, системных, коммуникативных сторон и соответственно – на их когнитивную, функциональную, прагматическую мотивацию. Иными словами, микротопонимия рассматривается в соответствии с тремя компонентами: система языка, тексты, языковая компетенция говорящих. (См. концепции Л.В. Щербы, Ю.Н. Караулова. Ср.: Земская 1996).

В плане использования конкретных методов анализа следует отметить, что в рефлексивном аспекте исследования реализован индуктивный синхронический подход к материалу, основанный на наблюдении за жизнью микротопонимических единиц в самой языковой системе при прямом контакте с диалектоносителями и фиксации фактов, приводящий к их обобщению и осмыслению. В результате применения этого подхода создана солидная эмпирическая база исследования.

Собственно интерпретационный аспект воплощен в русле названных выше парадигм в описательном методе со всеми его этапами, в сопоставительном, сравнительно-сопоставительном и некоторых других.

Применен в работе метод компонентного анализа, позволивший рассмотреть в микротопонимах явления актуализации сем, с одной стороны (одних сем или одной семы в структуре значения микротопонима), и погашения, устранения «апеллятивных» сем – с другой. (См. об этих явлениях: Гак 1976).

Основное внимание направлено на семантику микротопонимических единиц, начиная от номинационного цикла (этапов рождения) и заканчивая реализацией(ями) в составе текста, в дискурсе (в актах коммуникации). Иными словами, анализ ведется в русле направления исследования единиц языка и их семантики, актуализировавшегося в последней четверти XX века. (См.: Принципы и методы семантических исследований 1976).

Использованы в диссертации элементы стратиграфического метода, заключающиеся в рассмотрении микротопонимических пластов – пространственных, временных, этнических, в том числе субстратных и заимствованных (о разграничении их см.: Матвеев 1989; Муллонен 2000), а также элементы методики под названием «конверсационный анализ», или «анализ разговора» (Демьянков 1995), позволившей раскрыть особенности организации микротопонимического дискурса с его «целевой» мотивационной моделью и своеобразным проявлением «принципа кооперированности», или конвенциальности.

Задействован в работе и метод количественных подсчетов. О важности, роли, информационной нагрузке его и статистического аспекта при фиксации и интерпретации апеллятивной лексики говорится в (Блинова 2004). Необходим он также при анализе онимов.

Теоретическая значимость диссертации заключается в том, что проведенное исследование, расширяя представления о глубинных механизмах, лежащих в основе формирования и функционирования микротопонимов и всего микротопонимического пространства, способствует дальнейшему развитию топонимики, коммуникативной диалектологии, мотивологии. Данные, полученные в результате анализа фактического материала, могут служить базой для сопоставительных исследований микротопонимии других территорий, с тем чтобы при соположении отдельных фрагментов была впоследствии создана общеэтническая ЯКМ, реконструкция которой не может быть выполнена без знания ее отдельных участков.

Практическая ценность диссертации определяется тем, что предложенный в работе комплексный анализ микротопонимии, принципы и параметры описания ее могут использоваться при рассмотрении топонимии других регионов. Результаты исследования могут найти применение в практике вузовского преподавания: в лекционных курсах по русской диалектологии, современному русскому литературному языку в сопоставительном аспекте (разделы «Лексикология» и «Словообразование»), по лингвокраеведению в рамках специализации (национально-региональный компонент), основам регионалистики, в специальных курсах и спецсеминарах по ономастике, а также могут быть базой и сопоставительным материалом при написании научно-исследовательских работ студентов (курсовых, выпускных квалификационных), при подготовке выступлений на конференциях.

Кроме того, систематизированный и рассмотренный по разным аспектам фактический материал в условиях трансформации и ухода исконных микросистем в связи с исчезновением населенных пунктов способствует сохранению его для истории края и языка.

Подтверждением гипотезы и результатом проведенного исследования в соответствии с поставленными задачами являются следующие **положения, выносимые на защиту**:

1) Региональный фрагмент русской диалектной ЯКМ существует в двух его компонентах – апеллятивном и проприальном. Микротопонимия, являясь одним из средств выражения категории проприальности, находящейся в бинарной оппозиции к категории апеллятивности в рамках общей категории субстантивности, занимает особое положение в лексической и у́же – онимической системе языка, составляя особый фрагмент региональной ЯКМ. Она имеет специфику в плане референции, семантики, сферы функционирования и других свойств, а также в плане формирования, представляя собой результат ментального процесса номинации в его крайних точках на номинационной шкале (выражение ситуационного комплекса, пропозиция – конвенциализация) и в его соотношении с явлениями мотивации и деривации.

2) В плане семантики мотивированные микротопонимы отличаются понятийностью, причем особого рода, создающейся путем проецирования значения слов как исходной микротопонимической базы целиком (в частности, в составных единицах с географическим термином) или отдельных актуализованных сем, а также комплекса сем.

3) Рассмотренный фрагмент ЯКМ фиксирует все стороны ИКЗ, входя в нее на правах непосредственно составляющего, структурного компонента: физико-географический, климатический, экономический (хозяйственный), исторический, демографический, этнографический и другие факторы в их взаимодействии, отличаясь в целом полифункциональностью.

4) Нижегородская микротопонимия (при поддержке апеллятивов) выражает основные общечеловеческие идеи-концепты *пространство, время, число* (*счет*), *человек, сакральность*, а также другие (*причина, память, знание* и русский концепт *соборность*), в ней отражается духовность и опыт человека, сельского жителя, его этнические, социальные, гендерные, личностные характеристики, его эмоциональные состояния, этические принципы и нормы поведения, процессы логического, чувственного, эстетического восприятия мира. При этом различные концепты в их вербализации связаны друг с другом, в частности, в рамках этносоциохронотопа.

5) Микротопонимия – это система, имеющая полевую структуру, представляющая собой совокупность семантических полей особой организации («сеть» как объединение оппозиций, парадигм, цепочек и других общностей (ср.: Филлмор 1983)). Предельно наглядно этот характер организации проявляется в вербализации концепта «пространство», отличающегося в микротопонимии, в связи с ее предназначением, особой, исключительной разработанностью. В микротопонимии существуют специфические систем-

ные отношения единиц, такие, как: тезоименность, кратность, полиименность, сравнительность, параллелизм.

6) Микротопонимия представляет собой единство статического (ноэтического, номинативного, номенклатурного) и динамического (дискурсного) компонентов, а каждая единица в ней - микротопонимический комплекс, включающий сам микротопоним, его денотативную суть, дефиницию, адресность и тексты к нему и с ним, вскрывающие маршрут номинации, путь рождения слова и его жизнь в микросистеме.

7) Дискурсный компонент микротопонимических комплексов, наряду с денотативным, концептуальным, структурно-семантическим, коннотативным и другими компонентами, проявляет, особенно в его мотивационной части (при поддержке апеллятивного фрагмента системы), характер диалектной (топонимической) языковой личности с ее мнемическим и эпистемическим аспектами, а также лингвокреативным потенциалом.

8) Мотивационные высказывания и тексты проявляют топонимическую мотивационную шкалу: от полной мотивированности имени к немотивированности как результату демотивации через неполную, гипотетическую мотивированность и полимотивированность (поливерсионность) и далее – к неомотивации; а также – системные отношения единиц. Последние два положения вытекают из всего содержания эмпирического материала работы и нуждаются в дальнейшем специальном рассмотрении.

Результаты исследования прошли **апробацию** на заседаниях кафедры теории и истории русского языка Арзамасского государственного педагогического института им. А.П. Гайдара, кафедры русского языка Московского педагогического государственного университета, в докладах и выступлениях на конференциях различного ранга (научно-теоретических, научно-практических; межвузовских, региональных, всесоюзных, всероссийских, международных) с 1967 года по настоящее время (свыше ста) в городах Арзамасе, Архангельске, Астрахани, Балашове, Барнауле, Белгороде, Волгограде, Вологде, Горьком и Нижнем Новгороде, Даугавпилсе, Дрогобыче, Душанбе, Иванове, Калуге, Киеве, Кирове, Куйбышеве и Самаре, Курске, Ленинграде и Санкт-Петербурге, Львове, Москве, Нежине, Одессе, Орле, Пензе, Перми, Саранске, Саратове, Свердловске и Екатеринбурге, Смоленске, Ташкенте, Туле, Ужгороде, Харькове, Череповце, Ярославле.

По данной теме автором диссертации в течение ряда лет читался спецкурс на филологическом факультете Арзамасского государственного педагогического института.

Результаты исследования опубликованы в 96 работах по теме диссертации (с включением апеллятивного и антропонимического компонентов микросистем, взаимодействующих с микротопонимией) общим объемом свыше 150 п.л.

Достоверность и обоснованность полученных результатов и выводов обеспечивается комплексным характером методики исследования, обширным теоретическим материалом по проблемам исследования, а также объемной эмпирической базой.

Поставленные цель и задачи работы определили ее **структуру**, она состоит из введения, двух разделов и шести глав – двух в первом разделе и четырех во втором, заключения, библиографии и приложений, в качестве которых оформлены сокращенные и полные названия районов Окско-Волжско-Сурского междуречья и карта Нижегородской области.

Содержание работы

Во Введении дано развернутое обоснование темы исследования через природную, историко-этническую характеристику Окско-Волжско-Сурского междуречья как историко-культурной зоны и степень изученности нижегородских говоров; в остальном оно является типичным: в нем определяется объект, предмет, материал исследования и методологическая база его анализа; формулируются гипотеза, цель и задачи диссертации, раскрывается актуальность и новизна работы, ее теоретическая и практическая значимость; приводятся основные положения, выносимые на защиту; даются сведения об апробации результатов исследования; описывается структура работы.

Первый раздел – ***«Общие теоретические и методологические предпосылки исследования»*** – состоит из двух глав.

В первой из них – ***«Мир действительности и язык»*** – обсуждается основной и традиционный философский вопрос лингвистики – о связи языка и мышления – через призму явлений *картина мира, языковая картина мира, концепт*. Глава делится на четыре параграфа в соответствии с типами картин мира – концептуальная картина мира, языковая, диалектная и региональная, топонимическая. В ней обрисованы общие контуры названной проблемы на основе идей отечественных и зарубежных исследователей (философов, культурологов, психологов, лингвистов), таких, как: Ю.Д. Апресян, Н.Д. Арутюнова, С.А. Аскольдов, Т.В. Булыгина, Л. Вайсгербер, А. Вежбицкая, Л. Витгенштейн, В.Г. Гак, Г.Д. Гачев, В. фон Гумбольдт, А.Я. Гуревич, Вяч. Вс. Иванов, Ю.Н. Караулов, В.В. Колесов, Г.В. Колшанский, Е.С. Кубрякова, А.А. Леонтьев, Д.С. Лихачев, З.Д. Попова, В.И. Постовалова, А.А. Потебня, Б.А. Серебренников, Ю.С. Степанов, И.И. Стернин, В.Н. Телия, Н.И. и С.М. Толстые, В.Н. Топоров, Т.В. Цивьян, Н.Ю. Шведова, А.Д. Шмелев и другие.

В результате рассмотрения точек зрения актуализован ряд положений, необходимых для анализа фактического материала.

Различаются две картины мира – концептуальная и языковая. В целом же выстраивается трехчленная цепочка отношений и соотношений: объективная действительность (мир вне нас, природа и человек) – ментальное отражение ее (концептуальная картина мира, или просто картина мира) – выражение картины мира, в том числе и прежде всего через язык (языковая картина мира). Концептуальная картина мира как ментальная репрезентация действительности, мира в целом и в его отдельных проявлениях, в том числе культуры, представляет собой *концептосферу*, систему концептов – ментальных единиц, содержанием которых является результат осмысления челове-

ком элемента действительности на основе его этнического, социального и индивидуального опыта, совокупность смыслов относительно элемента действительности, имеющих культурную, этническую, а тем самым и личностную значимость. Концепты вербализуются в ЯКМ, составляя ее фрагменты.

Обе картины мира являются многопризнаковыми, полифункциональными и поликомпонентными образованиями с разветвленной типологией. Они выполняют две основные функции – интерпретативную (осуществляют видение мира) и регулятивную (служат универсальным ориентиром человека в мире, в его жизнедеятельности). Как поликомпонентные образования обе картины мира имеют сложную структуру, иерархическую организацию. Они различаются в зависимости от субъекта картины мира, характера и результата его деятельности, а также от объекта. В типологии картин мира, с ее многочленностью и иерархичностью, в связи с объектом нашего исследования (микротопонимия конкретного региона) значима региональная наивная картина мира, а также коллективная (этническая, социумная) в сопоставлении с индивидуумной.

ЯКМ предстает как субъективный образ объективного мира, как средство репрезентации ККМ, полностью, однако, не охватывающее ее, как результат языковой, речемыслительной деятельности многопоколенного коллектива на протяжении ряда эпох, вскрывая в целом «разносубстратный, гетерогенный и гетерохронный образ мира» (Е.С. Кубрякова).

Отражение мира в ЯКМ имеет два аспекта – статический и динамический, соответствующие трем ипостасям языка – система, тексты, языковая способность индивидов и связанные с тремя уровнями работы сознания – номинативным, пропозитивным и дискурсным. ЯКМ отличается также полифункциональностью: помимо базовых – интерпретативной и регулятивной, она выполняет функции именования, экспликации, идентификации, ориентации, социализации и другие. Особая роль в ЯКМ, в ее соотношении с ККМ, принадлежит лексике, наиболее тесно, непосредственно связанной с действительностью, с ее членением, с выделением в макро- и микрокосме отдельных величин, объектов, на которых акцентировано внимание носителей языка в связи с их практической, концептуальной значимостью.

Общенациональная ЯКМ, являясь инвариантом, представляет собой систему фрагментов (частных ЯКМ) – этнического, территориального (регионального), социального, индивидуумного, отражая восприятие и осмысление окружающего мира человеком как представителем этноса, определенной территории (региона), социума, как личностью. В число компонентов ЯКМ входят, таким образом, диалектная и региональные картины мира. Диалектная ЯКМ – это диалектный язык (Р.И. Аванесов) как средство вербализации ККМ, объединяющий в себе частные диалектные системы (ЧДС) различного объема. Она представляет собой результат обобщенного отражения мира в коллективном сознании социумов – жителей сельской местности как части этноса, русского народа; это – «одна из форм территориальной реализации общенациональной РЯКМ, заключающейся в традиционно-народном

восприятии окружающего пространства и имеющей особенности ЧДС, включающих региональные черты» (Демидова, Злыденная 2006).

Внутри диалектной ЯКМ, в свою очередь, имеют место более частные фрагменты, компоненты, в соответствии с более или менее крупными объединениями ЧДС (вплоть до отдельных микросистем) в диалектной макросистеме. Такими фрагментами являются, в частности, региональные ЯКМ. Региональная языковая картина мира – это фрагмент диалектной ЯКМ, представляющий собой объединение ЧДС, имеющий особенности в отражении мира в соответствии с условиями проживания и ценностными установками людей и в соответствии с характерными чертами региона как историко-культурной зоны. В то же время региональная ЯКМ имеет и более широкий характер, больший объем, являясь фрагментом всей национальной ЯКМ, включая помимо диалектного и другие компоненты – литературный, просторечный, жаргонный. Ср. наличие общенародного и сугубо диалектного, локального в диалектной микросистеме. В любом случае региональная ЯКМ соответствует региону как историко-культурной зоне, имея больший или меньший объем содержания. В числе региональных, а также региональных диалектных ЯКМ находится нижегородская, окско-волжско-сурская.

Диалектная ЯКМ (и региональные в ее составе и в составе национальной ЯКМ) отражает народное мировидение, народную концептуальную картину мира. По мнению Д.С. Лихачева, в формировании концептосферы русского национального языка, образующих ее концептов, в создании ее богатства значительную роль сыграло именно крестьянство, то есть носители диалектного языка.

Компонентом ЯКМ является онимическая картина мира, а в ее составе – топонимическая как система всех топонимов в языке, участвующих в вербализации ККМ. В ней, как и во всей диалектной ЯКМ, выделяются региональные картины мира. Региональная топонимическая картина мира, соответствуя определенному региону как историко-культурной зоне (ср.: Дмитриева 2002), представляет собой систему частных систем, в которых сосуществуют собственно топонимия (мезотопонимия) как часть общей топонимической КМ и микротопонимия. Последняя, в свою очередь, есть система систем, микросистем, каждая из которых уникальна, это – «самоценное культурно-историческое образование» (Н.Л. Сухачев).

Микротопонимия тесно связана с окружающей действительностью, с человеком, его сознанием, его духовно-практической деятельностью. Она репрезентирует мир таким, каким видит его сельский житель, труженик, тот мир, в котором он живет, который созерцает, ощущает, осмысливает, познает, отражает и отображает, – погруженность сельского жителя в конкретные условия жизнедеятельности. При этом микротопонимия – средство вербального кодирования того, что играет важную роль в жизни человека, является ценностным для него. (Ср.: Михайлова 1998).

Отражаемый мир, общий для всех представителей сельского социума, определяет общую для них, инвариантную картину мира. И в то же время

каждый человек, член социума, имеет свою, индивидуальную картину мира в соответствии с опытом, кругозором, креативным потенциалом.

Передавая специфику мировидения сельского жителя, микротопонимия тем самым вписывается в общую позицию воплощения в языке этнического, национального самосознания и ориентира для человека в восприятии мира. При этом показательно признание того, что именно диалектный материал (а тем самым, по-нашему, и микротопонимия как его неотъемлемая часть) «может рассматриваться в качестве предпочтительного при поиске ответов на вопросы о детерминированности этнического мировосприятия языком» (Тарланов 1995), а также на вопрос о том, «как язык, происходя из природного звука и потребности, становится родителем и воспитателем всего высочайшего и утонченнейшего в человечестве» (Гумбольдт 1985).

В микротопонимической системе существуют и проявляются два аспекта отражения картины мира: сама совокупность единиц, очерчивающих физическое пространство жизнедеятельности сельского коллектива, и аспект функционирования единиц, употребления их в высказываниях. Иначе говоря, – статический (сама номенклатура микротопонимов) и динамический (дискурсный) аспекты отражения картины мира, в соответствии с этими же сторонами всей ЯКМ, подобно статическому и динамическому аспектам отражения глубинной психологии народа. (См.: Гак 2000). Статический аспект микротопонимии раскрывает характер, направление освоения, обживаемости пространства, познание его, динамический же – типы порождения высказываний об объектах пространства. Ср. мнение: «<…> в идеальном содержании знакового образа можно выделить две стороны, два аспекта. Один из них есть соотнесенность идеального содержания с деятельностью познания; другой – соотнесенность его с деятельностью общения, с употреблением знаков для общения» (Леонтьев 1976).

Эти аспекты имеют разное содержание при взгляде на микросистему изнутри и извне. В первом случае, в самой микросистеме, у её пользователей есть общий фонд знаний, у каждого представителя говорящего коллектива на каждый объект пространства существует так называемое «мысленное досье» (А.Д. Шмелев): все сведения о нем и обо всем, что связано (или было связано) с ним – обстоятельства обнаружения, координаты, событийный ряд (ситуационный комплекс) у истоков номинации, условия номинации и мотивации, события и люди, связанные с объектом, и т.д. И все, что касается объекта и названия, раскрывается и готово раскрыться при определенных условиях в текстах. Здесь значимы и системно обусловлены даже самые наивные и фантастические, в духе народной этимологии, суждения-тексты.

При взгляде на микросистему извне предстает лишь ее статический (номенклатурный) аспект и самые общие сведения об объекте, вытекающие из внутренней формы микротопонима.

(Микро)топонимическая картина мира региона в ее пропозитивно-дискурсной части соответствует средне- и позднезреловозрастным картинам мира (Блох 2006), поскольку вся совокупность названий в каждой микросис-

теме и их (микро)топонимическая мотивация оказываются живыми в памяти сельских жителей именно старшего и среднего возраста.

Микротопонимия – это сокровищница живого народного языка в не меньшей степени, чем апеллятивная диалектная лексика. Она репрезентирует ЯКМ диалектоносителей. Полная реконструкция всей ДЯКМ, тем более всей идиоэтнической ЯКМ, – задача трудная и вряд ли выполнимая. Даже при целенаправленной рефлексии картина мира познается и осознается человеком только фрагментарно, в ее отдельных компонентах, участках, не может быть охвачена полностью, во всей своей целостности. Поэтому перспективным направлением познания языковой картины мира является моделирование ее отдельных фрагментов, к каковым относится и микротопонимия нашего региона, в исследовании которой приняли участие Т.А. Исаева, Л.А. Климкова, Н.В. Морохин, Н.Д. Русинов, Л.Л. Трубе, Е.В. Ухмылина, Ю.П. Чумакова и другие.

Помимо общетеоретических работ, в которых задействована в том числе топонимия разных территорий (В.Д. Бондалетов, В.А. Жучкевич, Ю.А. Карпенко, А.К. Матвеев, В.А. Никонов, Н.В. Подольская, Б.А. Серебренников, А.В. Суперанская и др.), русская ономастика располагает и специальными работами по топонимике. К настоящему времени исследована и продолжает исследоваться топонимия (а в ее составе часто и микротопонимия) многих регионов России, в совокупности систем представляющая русскую топонимическую картину мира.

Таким образом, русская ЯКМ в целом и топонимическая как её фрагмент представляют собой сложную иерархию компонентов, выделяющихся на различных основаниях, которая может быть познана в целом только на базе исследования частных картин мира в соответствии с микросистемами при их соположении и наложении.

Вторая глава раздела – ***«Онимический фрагмент языковой картины мира»*** – состоит из четырех параграфов: 1. Проприальность как категория. 2. Оним как средство выражения проприальности. 3. Микротопонимия как разряд онимии. 4. Номинация в микротопонимии как синкретичный процесс. Номинация, мотивация, деривация. Типы номинации.

Краткое изложение содержания главы отражает представленную параграфами последовательность.

В языке существует категория проприальности, которую, исходя из общего определения категории (см.: ЛЭС 1990), можно представить как класс языковых элементов – слов, имен, выделяемый, существующий на основе такого общего параметра, как отношение к объекту действительности (лицу, живому существу, предмету), устанавливаемое в процессе наделения, наречения его специальным, особым именем с целью маркирования, и являющийся совокупным результатом этого наречения.

Эта категория отличается единством значения и средств выражения. Семантическая направленность её – быть номинанте именем собственным, называть объект, выделяя его из ряда ему подобных и тем самым отличая от них. Единица этой категории – имя собственное (оним), представляющее се-

мантическое основание проприальности: выделение (актуализация), идентификация, дифференциация при номинации объекта. Вне этих явлений объекты обозначаются нарицательными именами, называющими объект как представителя совокупности, класса однородных предметов. Следовательно, онимы находятся в оппозитивных отношениях к нарицательным именам как разряду апеллятивов, под которыми понимается вся неонимическая лексика (см., например, точку зрения Н.В. Подольской: ЛЭС 1990), а категория *проприальности* соответственно – к категории *апеллятивности*. При этом оппозиция является бинарной привативной, поскольку различие между оппозитами является существенным для языка и функционирования системы (ср.: ЛЭС 1990), а маркированным оппозитом предстаёт оним (онома). Дихотомия *оним-апеллятив* относится к ономастическим универсалиям и существует на всех уровнях – семантическом, лексическом (парадигматическом, эпидигматическом), ассоциативно-деривационном, синтагматическом.

Онимы и апеллятивы-нарицательные имена в целом входят в категорию предметности (субстантивности), представленную именем существительным, сопоставляемую с категорией признака (признаковости), выражаемой глаголом, именем прилагательным и наречием, а также с категорией процессуальности, репрезентируемой глаголом. (Ср.: Языковая номинация 1977). (О категории предметности см.: Руденко 1990).

Проприальность и *апеллятивность-нарицательность* предстают как частные категории, значения в рамках общей категории *субстантивности*, которая является в целом лексико-грамматической, классифицирующей. (Ср.: ЛЭС 1990). Общее (категориальное) значение ее – номинативность, называние реалии, предмета в широком смысле слова. В плане же осуществления называния и состоит различение проприальности и апеллятивности, в плане аспекта *как?* – называть, не выделяя предмет из ряда ему подобных, в ряду ему подобных, и тем самым все предметы данного рода, класс предметов как совокупность (апеллятив) или называть предмет, специально выделяя его из ряда подобных (оним), иначе говоря, – выполняя либо таксономическую, либо индивидуализирующую функции.

Средством выражения значения проприальности является имя собственное, оним, как средство объективации явления действительности, направленное на единичное, на выделение на основе того или иного признака одного из множества; как полифункциональное имя, выполняющее основную триединую номинативно-выделительно-дифференцирующую функцию и ряд дополнительных функций, представляющее результат познания действительности в плане знакомства с окружающими объектами и узнавания их, постижения их взаимосвязей. Разделяя основные характерные черты лексической системы языка – открытость, подвижность, непосредственную обращенность к социальной сфере, комплексность семантики, множественность составляющих единиц, неопределенность, размытость границ и другие, онимия имеет специфическое преломление их, а также целый ряд своих собственных черт, особенностей. Это: бо́льшая этническая, социальная и историческая обусловленность; повышенная социальность, экстралингвистичность; син-

кретичная вторичность – генетическая, ономасиологическая, деривационная, мотивационная, функциональная, коммуникативно-речевая; а также безэквивалентность. Свою специфику имеют онимы в структуре значения относительно сути и места его компонентов, актуализованности этнокультурной составляющей, необязательности и/или своеобразия сигнификата, в системных отношениях – тезоименность, кратность, полиименность, сравнительность, параллелизм и другие, в принципах системной организации, в частности полевой (Суперанская 1973; Супрун 2002; и др.); в способах словопроизводства.

Обобщенное представление результатов исследования онимов в отечественном языкознании по аспектам и исполнителям дано, например, в (Супрун 2000). В дополнение к нему можем констатировать, в частности, реализацию этнолингвистического, когнитивного, ментального подходов в анализе, например, топонимии некоторых регионов (Е.Л. Березович, С.П. Васильева, М.В. Голомидова, Л.М. Дмитриева, И.И. Муллонен, М.Э. Рут и др.). История разработки теории ономастики в отечественном и зарубежном языкознании подробно рассмотрена в (Бондалетов 1983; Суперанская 1973; см. также: Шмелев 1989; 2002; Руденко 1990). Мы лишь акцентируем внимание на некоторых моментах.

Одним из фрагментов онимической, а в ее составе топонимической картины мира является микротопонимия как система названий объектов той или иной сельской местности как внутри населенных пунктов, так и вне их: улиц, переулков, колодцев, деревьев, домов, прудов, озер, оврагов, холмов, лугов, полей, лесов, ручьев, родников, участков рек, мест купания, урочищ и т.д. Микротопонимия разделяет специфику топонимов и всех онимов, в ней действуют те же законы организации внутренней структуры, те же оппозиции, те же системные отношения, однако она имеет и специфику, обусловленную, прежде всего, сущностью этого вида имен.

Проблемы топонимики в целом (тем самым в определенной степени – микротопонимики) рассматривались многими лингвистами в огромном ряде работ. В числе их: Беленькая 1969; Белецкий 1972; Березович 2000; Бондалетов 1983; Воробьева 1973; 1976; 1977; Глинских 1982; Горбаневский 1989; Горбачевич 1965; Дмитриева 2002; Жучкевич 1968; Карпенко 1962; 1967; 1970; 1984; Матвеев 1965; 1974; Морозова 1965; 1966; 1972; Мурзаев 1974; 1979; Никонов 1960; 1962; 1965; 1966; Подольская 1983; 1988; Попов 1965; Поспелов 1967; Рут 1999; Серебренников 1955; Смолицкая 1981; 2002; Суперанская 1967; 1970; 1973; Топоров 1962; 1964; Фролов 1982; 1993; Чайкина 1983; Черепанова 1984; и другие.

Микротопонимы, как и топонимы в целом, выполняют локализующую, конкретно-географическую функцию, призваны точно обозначить объект как географическую точку, а в речи – объект как место действия. Общими чертами микротопонимии и собственно топонимии являются также: а) непосредственная обусловленность внеязыковыми факторами; б) неединственность для называния соответствующего объекта, наличие других наименований его; вхождение в двучленный или многочленный ряд наименований данного

объекта; в) варьирование в устной речи; г) системная организация; д) наличие в структуре значения не только номинативного компонента, но и эмоционально-экспрессивной окрашенности. (Ср.: Воробьева 1973). Наличие этих интегральных признаков вытекает из того факта, что микротопонимия является частью собственно топонимии. Некоторые общие черты имеют в микротопонимии специфическое проявление. Так, микротопонимам свойственна бо́льшая вариативность по сравнению с собственно топонимами, больший удельный вес региональных элементов, более тесная спаянность элементов системы. В лексическом значении собственно (мезо)топонима, в соответствии с этапами развития имени, различаются дотопонимический, топонимический и оттопонимический семантические пласты (см.: Никонов 1965). Однако в микротопонимах третий пласт, можно сказать, почти не представлен, а первые два совмещаются в мотивированных, с живой внутренней формой, единицах, которые в микросистемах составляют большинство. В немотивированных только один семантический пласт – микротопонимический.

В то же время микротопонимия имеет ряд собственных специфических черт. При обсуждении вопроса о соотношении микротопонимии и мезотопонимии в качестве дифференциаторов берутся несколько признаков. Это и близость к нарицательным именам, меньшая устойчивость, бо́льшая изменчивость микротопонимов (ср.: Никонов 1965); и специфика в источниках, строении, судьбе, характере объектов (ср.: Карпенко 1967); и размеры, сущность объектов; роль микротопонимии в жизни человека, первичность – непосредственная данность, неслучайность мотивировки, подвижность, локальность (малоизвестность), бытовая понятийность, несистематичность (см.: Суперанская 1967; 1973; ср.: Жучкевич 1968); менее высокая частотность и меньшая стандартность моделей (Суперанская 1973). Иногда специфические свойства микротопонимии представляются в виде такого комплекса: а) семантическая мотивированность большинства микротопонимов; б) недолговечность; в) функционирование в морфологических и фонетических вариантах, дублетах; г) частотность структурной оформленности в виде словосочетаний и предложно-падежных конструкций; д) тесная связь с господствующим диалектом; е) преимущественная одноязычность в силу известности лишь ограниченному кругу людей. (См.: Воробьёва 1977). Прослеживается отнесение признака *микро* к размеру, типу объекта, степени его известности и диапазону функционирования его названия. (См.: Карпенко 1967; Никонов 1964; Матвеев 2001; Воробьева 1977; Мурзаев 1974; Бондалетов 1983; Подольская 1961; 1967; 1988; ср.: Суперанская, Подольская, Васильева 1989; Глинских 1982; Фролов 1982).

Степень известности как признак положительно характеризует лишь названия больших объектов по своему характеру, а также по характеру событий, связанных с тем или иным объектом. Что же касается наименований рядовых населенных пунктов типа *село*, *поселок*, *деревня* (особенно небольших и мало известных), то они, являясь собственно топонимами, находятся ближе к микротопонимам, отличаются от них только тем, что внесены в справочни-

ки по административно-территориальному делению области, а также на карты районного масштаба. Иначе говоря, они письменно закреплены, официально признаны, хотя это признание и регионального масштаба. Микротопонимы этого признака лишены. Они функционируют лишь в устной форме языка, обслуживая потребности лишь небольшого коллектива людей, обычно жителей одного населенного пункта (ср., однако: Дмитриева 2002), являясь неофициальными обозначениями объектов. Некоторые микротопонимы могут быть зафиксированы в тексте художественного произведения. Однако это иная жизнь, поскольку они оказываются вырванными из привычной среды, попадают в иную среду, здесь приобретают другие, дополнительные оттенки значения, вступают в другие системные связи в пределах микро- и макроконтекста, участвуют в стилистических приемах.

В одной из последних работ по региональной топонимии предлагается как более существенный еще один признак – важность объекта: «Степень известности микротопонима зависит не от величины объекта, а от важности объекта в жизни человека» (Дмитриева 2002). Однако этот признак лежит в основе появления любого онима: собственное имя получает только тот объект, который входит в зону интересов человека, в его актуальное жизненное пространство.

Более существенным дифференциатором является, по нашему мнению, признак отсутствия письменной фиксации. Этим микротопонимы отличаются от топонимов: название даже самого мелкого населенного пункта зафиксировано на карте, в почтовых отправлениях.

Заслуживает внимания точка зрения А.В. Суперанской, которая, определив отличия микротопонимов от мезо- и макротопонимов по нескольким линиям, в том числе по линии понятийность – непонятийность, системность – асистемность («микроназвания понятийны, несистемны»), отметила дифференциальный признак микротопонимов по отношению к процессу формирования имени: «О стадии «микро» мы говорим там, где наблюдается процесс становления имени. Если город называют *Городом*, болото – *Болотом*, верблюда – *Верблюдом* и ребенка – *Мальчиком, Девочкой, Ребенком* – это микроименование. На стадии микроимени как бы происходит перелом в нарицательном употреблении слова и закрепление его за одним, определенным в данной ситуации, объектом» (Суперанская 1973). Однако, пройдя эту стадию становления (номинационно-мотивационно-деривационный процесс), такие имена потом долго живут в новом, приобретенном качестве при актуализации других дифференциальных признаков. Поэтому целесообразно учитывать именно комплекс дифференциаторов.

К микротопонимам не относится признак, которой обычно считается характерным для онимической лексики в отличие от нарицательной, – то, что онимы имеют не только интралингвистический, но и интерлингвистический характер, то есть существует не только в данном языке, но и в других языках. (См. об этом: Белецкий 1972). Вернее, интерлингвистическим является сам факт существования микротопонимии, то есть то, что она есть в каждом язы-

ке. Содержание же ее, конкретное языковое наполнение (микротопонимикон) имеет даже не просто интралингвистический характер, а интрарегиональный.

Таким образом, основными признаками, наиболее существенными для определения оппозиции *микротопонимия – собственно топонимия* (и *макротопонимия*), являются (кроме размера и сущности объекта) сфера употребления, условия, объем, диапазон функционирования, степень известности единиц, отсутствие письменной фиксации. Все остальные признаки можно рассматривать как дополнительные. Для микротопонимии, исходя из названных критериев, характерны как раз ограниченная сфера употребления, неофициальность, узкий диапазон функционирования, малая степень известности, поскольку она обслуживает небольшой говорящий коллектив на вполне определенной, конкретной территории, в условиях непосредственной устной коммуникации при отсутствии письменной закрепленности.

В микротопонимии наиболее отчетливо проявляется региональность как отражение языковых черт определенного региона, поскольку микротопонимия – часть лексики диалекта. Это и обусловливает связь микротопонимии с диалектом, причем выступает она не только на лексическом уровне, не только в том, что диалектные слова «питают» микротопонимию и в целом топонимию, являясь одним из ее источников. (См.: Никонов 1965). Связь проявляется и на других уровнях: фонетическом, словообразовательном, грамматическом. Вхождение в диалектную систему состоит в отношениях взаимообусловленности с таким признаком микротопонимов, как диапазон функционирования. Акцентирование внимания на этом обстоятельстве привело к введению терминов *диалектоним* (местный географический оним), *диалектонимия* и приравниванию статуса диалектонимов к статусу диалектной лексики (Фролов 1982; ср.: Ковалев 2006). В этом плане микротопонимические данные могут представить дополнительные свидетельства диалектного членения русского языка.

Само наличие, существование (микро) топонимического пространства является универсалией – языковой и культурной, связанной с универсальностью человеческих потребностей. В их систему входят физиологические потребности, потребности в безопасности, в социальных связях, в признании, уважении, в самореализации. При этом для нас значимо соответствие потребности в безопасности, «выделенному этологами у всех животных, включая человека, так называемому инстинкту территориальности. У человека он проявляется как стремление к освоению пространства, закреплению на нем, его ограждению и защите в присущих человеку предметно-пространственных языковых формах» (Стемковская 2000). Одна из знаковых языковых форм проявления этого инстинкта территориальности – наделение соответствующего пространственного объекта собственным именем. И таким образом, (микро) топонимия очерчивает физическое пространство, входящее в жизненную зону человека, говорящего коллектива населенного пункта.

Микротопонимия разделяет специфику топонимов и всех онимов в плане внутренней структуры, принципов системной организации. Однако проявляется и своеобразие. В семантической структуре микротопонимов их

чувственно-образная предметность оказывается до конца не снятой и идеализация объектов реального мира происходит в форме представлений. В то же время не вызывает сомнения типичная двукомпонентность значения микротопонимов (сигнификат – денотат) (ср.: Суперанская 1973), безусловной является она в составных единицах, включающих географический термин, в мотивированных единицах, в которых представлен результат семантического, понятийного проецирования, вторичной понятийности, смысловых пересечений как на уровне самих единиц, так и на уровне текстов. (См.: Шведова 2004). Будучи моносемантами, микротопонимы связаны с различными значениями многозначных апеллятивов.

Специфика микротопонимии проявляется в том числе в номинации как наглядном синкретичном процессе, происходящем на базе пропозиции, включающем в себя целый ряд частных процессов, таких, как: актуализация, линеаризация, универбация, предикация, индивидуализация, идентификация, дифференциация, номинализация, обобщение, абстрагирование, семное проецирование, включение, интеграция, конвенциализация, воспроизводимость.

Микротопоним семантически соотносится со всей номинационной цепочкой, пропозиционной структурой, являющейся своего рода прецедентным текстом (текстом «первого эшелона») (Костомаров, Бурвикова 1996), выражающей временную смену ситуаций, ситуационный комплекс, соотнесенный с географическим, пространственным объектом. Один из способов передачи пропозиции, в частности её предикативного компонента, исследователи видят в глаголе, и этому посвящено много работ (Т.В. Булыгина, Н.Б. Лебедева, Е.В. Падучева, О.Н. Селиверстова, М.И. Черемисина, Т.А. Шмелёва и др.). При формировании микротопонима (проспективный, номинационный и мотивационный уровень) пропозиция также передается предикативными конструкциями, при участии глагольной семантики, глаголами различных ЛСГ, в соответствии с которыми выделяются виды пропозиций – экзистенция (бытие, существование, наличие, присутствие), состояние, движение, восприятие, характеризация. (Ср.: Демешкина 2000). Они же выявляются затем (реконструируются) на мотивационном ретроспективном уровне. Микротопоним предстает как универбат пропозиции, микротопонимический комплекс в его дискурсном компоненте – как способ представления пропозиции.

Возможно даже утверждать, что пропозициональность микротопонима имеет подчеркнутый, актуализованный характер, особенно в том случае, если микротопоним имеет живую внутреннюю форму. За ним всегда стоит конкретная ситуация, конкретный событийный ряд. Этим микротопоним отличается от нарицательного имени, и, возможно, данное обстоятельство объясняется тем, что формирование и употребление микротопонимов имеет в основном обозримое временное пространство (в целом – обозримый хронотоп): дети – родители – прародители – прапрародители, два-три поколения, четвертое или даже пятое поколение – по воспоминаниям.

Пропозициональность микротопонима связана с семантической протяженностью акта номинации. Например: *Лушина Станина* – поле (Криуша Арз.). Созданию этой единицы предшествовали следующие этапы событий-

ной цепочки: была женщина; звали ее Лушей; как-то, однажды пошла она на поле; работала на поле, жала серпом; стало жарко; сняла станину (нижнюю холщовую рубашку), положила около снопов (на снопы); по окончании работы не вспомнила о станине, ушла без нее; потом ее кто-то обнаружил; односельчане отметили этот факт, пошутили, посмеялись; факт показался необычным, интересным; о нем часто вспоминали; о нем вспоминали в связи с каждым упоминанием данного поля; каждый раз, говоря о поле, произносили: *Лушина станина*; поле стали называть сначала: «поле, где Луша оставила свою станину», «поле, где нашли Лушину станину», «поле Лушина Станина», наконец – «Лушина Станина». В результате ситуативная номинация (в силу создавшейся, установившейся связи между предметами, между пространственным объектом и посторонним для него предметом) постепенно закрепилась за объектом и превратилась в постоянную, в имя собственное.

Микротопоним представляет собой результат совместного действия, совмещения нескольких процессов. Вначале происходит передача ситуационного комплекса, пропозиция, и соотнесение соответствующей пропозиционной структуры (как средства пропозиции) с объектом (референция), затем в результате многократной референции – постепенное вычленение компонента (компонентов) этой структуры, актуализация и выдвижение его в качестве репрезентанта объекта, причем осуществляется оно в языковом коллективе и если отдельной языковой личностью, то с последующей конвенциализацией. Этим такое выдвижение как этап стихийного порождения слова, онима, отличается от выдвижения «в процессах порождения и интерпретации текста» как сознательной (намеренной) процедуры. Но и тут, и там оно связано, по нашему мнению, «с неожиданностью, удивлением, повышенным вниманием» (Кубрякова и др. 1996). Например: ***Мали́новка.*** Часть леса. *Там уж больно много малины* (Навашино); ***Щу́ка*** Урочище. *Это место уж больно балотисто, тут есь вроде как балотцы, туды в по́лу воду шшуки заходют, икру мечут.* (Навашино); ***Золотое озеро.*** *Када солнце васходит, на васходе, озеро блестело всегда как залатое. Атсюда и названье.* (Навашино).

Это явление выдвижения оказывается релевантным эпизоду бытия жителей деревни, села. Например: ***Ува́ровка.*** Бывшее название бывшей деревни. *Дык шёл лесом-то мужик адин, Уваров. Набрёл он на паляну ягодну, пандравилось ему. Тут-то он патом дом и абразавал. А уж патом люди падтянулись. Вот и деревня стала. Уваровкой и назвали.* (Велетьма Кул.). ***Толка́ва.*** Речка. *Па ней сплавляли лес в друге́ селеньи. А берега-ти с о́тмелями были, прихадилось талкать лес. Вот и Талкава.* (Велетьма Кул.).

В других случаях выдвижение релевантно признаку (или признакам) самого объекта, но осуществляется оно все равно на основе того или иного эпизода бытия, событийного ряда. Так, именование дерева *Семьянная сосна* в качестве своеобразного предтекста имеет такой ряд: *увидели в лесу большущу сосну, огромну прям не знай каку́, прям лошадь развернётся на ней, вот и сказали: «Прям семья́нна сосна-то». Ну значат, большуща больно Вон есть семьянны чашки-те, оне ведь большэи, для всей семьи, а семьи-ти раньше большущи были, рай как топерь. Вот и Семья́нна сосна.* (Селякино Арз.).

Или: ***Пы́рьи луга.*** *На них много кочек, трудно было касить· косы-ти прям пырялись в кочки.* (Навашино). Эпизодом, событием является уже то, что кто-то обратил внимание на признак объекта, какую-то его деталь и т.д. Например: ***Черное озеро.*** *У нас мно́го озеров-ти. Есь озеро, в коим черна вода Чёрного цвету она, не гря́зна, прост-ки такого цвету. Тако́ уж дно там; наверно, торф, вот и чёрна вода-та. А можа, от деревьев настойна вода-та, там кругом дерева́ на берегах-ти, корней много, листьев, вот, можа, потому и черна вода. Вот озеро и зовут Черно озеро, по воде, по черной. Кто-то вот заметил, что она чёрна, а тут уж и все заметили, все стали замечать. В Большэм-ти озере вон она совсем друга́, свето́ла.* (Мухтолово Ард.).

Выдвижение ведет к выделенности языковой (речевой) формы – элемента номинационной цепочки, пропозиционной структуры, и получению им статуса репрезентанта объекта.

Подвергшийся выдвижению-вычленению-выделенности элемент пропозиционной структуры как часть номинационной цепочки тем самым становится основой для формирования мотивировочной базы, мотивировочного признака (микро)топонима – мотивантом. За выдвижением– выделенностью элемента следуют линеаризация – перевод многомерных пропозиций, отношений в линейные, двучленные; выстраивание линейной пропозиционной структуры, номинационной цепочки на базе отражения совмещенного комплекса ситуаций, затем – универбация пропозиционной структуры, отражающей номинационную цепочку, свертывание ее в номинанту, превращение элемента пропозиции в слово при проецировании семы (или сем) мотиванта на микротопоним. Ср.: «При углубленном толковании процесса называния, оказывается, что в реальной номинации актуализируется одна из элементарных сем, которая становится ядерной для лексического значения топонима» (Фролов 1993).

Далее происходит предикация – операция приписывания наименования-универбата объекту как его отличительного признака. Особенность ее при формировании онима состоит в том, что в качестве предиката – обозначения приписываемого свойства, отношения выступает сам оним. При этом предикация осуществляется в виде приписывания объекту онима как установленного в результате длительной процедуры (неосознанной, стихийной), цепочки операций, отобранного языковым коллективом – мыслящим субъектом – как постоянного, отличительного признака, свойства объекта с последующим его закреплением (*это поле – Лушина Станина*). Кроме того, предикация одновременно реализует значение результата, причинно-следственные отношения: и *поэтому* + оним (*и поэтому поле Лушина Станина; и поэтому пруд Полевой; и поэтому дорогу назвали БАМ;* и т.д.). Микротопоним является номинантой-выводом, итогом.

На выходе событийного ряда, оформленного в конечном счете линейной пропозиционной структурой, создается двучленное соотношение: денотат, *объект* как предмет мысли, оценки, номинации и имя, *микротопоним*, как репрезентант объекта, результат предикации. Микротопоним предстает как универбат, за которым весь событийный ряд, вошедший в базу данных об

объекте, в его энциклопедическое значение (А.В. Суперанская), или «мысленное досье» (А.Д. Шмелев), как компонент информации о нем – сведений, суммы знаний, являющихся или могущих быть объектом хранения, передачи, переработки, источником других знаний. (Ср.: Кубрякова и др. 1996).

Предикация здесь сопряжена с рядом других процессов: референцией (вторичной референцией) уже как соотнесением «найденного», сформированного онима с объектом как фактом действительности (***Лушина Станина*** *– это поле*), идентификацией, отождествлением с объектом, подчеркнутой отнесенностью имени к объекту (***Лушина Станина*** *– вот это поле, именно это поле –* ***Лушина Станина***), индивидуализацией и дифференциацией (***Лушина Станина*** *– вот это поле среди (в отличие от...) других полей*).

Параллельно, совмещенно с этими процессами или на заключительном этапе, в результате такой полипроцессуальности происходит окончательный выход в микросистему вновь полученной единицы, закрепление за объектом – номинализация, окончательная конвенциализация (хотя конвенциальный выход имеют все стадии микротопонимической номинации: рождение микротопонима происходит на глазах всех носителей микросистемы) и более или менее длительная жизнь имени-онима.

Таким образом, процесс номинации включает в себя неоднократно проявляющуюся процедуру вычленения-выдвижения-выделенности: объекта – мотивировочной базы (признака) – слова (как цели и результата номинации, слова-номинанты).

Своеобразным предстает проявление таких процессов, как обобщение и абстрагирование, предшествующее заключительной фазе формирования онима. Обобщение здесь является результатом множества актов употребления пропозиционной структуры (ср.: Серебренников 1988). Микротопоним выражает образ объекта на уровне представления всего объекта, со всеми его признаками как индивидуальной сущности – обобщенно, без абстрагирования от каких-либо признаков, свойств. Он является своеобразным «возбудителем» (Б.А. Серебренников) образа объекта, представления о нем. Например: ***Полевой пруд*** *– он идёт по Гусеву оврагу, его запрудили давно-то, сделали плотину и стал пруд; вода чиста, синя; и дно хороше, местами только вязко; рядом с полем он, там кусты, дале мельница паровая, щас ие уж нет, а то была, недалёко кузница была, тут Коннай* [двор]; *он с краю-то не больно широкай, узкай, к плотине широкай, а глыбко в ним, щас уж не так, а было больно глыбко, особенно околь плотины. Гоже было: наработасся, устанешь, упрешь от жары – нырк в воду-ту, искупасся и вроде усталось ушла. Берега хороши, молодёжь щас всё загорат там.* (Селякино Арз.).

В основу этого микрогидронима из всех многочисленных признаков, собственных и окружающей местности, положен один – расположение рядом с полем, отличающий этот водоем от всех других в данном населенном пункте и около него и как самый важный для сельского коллектива.

Мысленный образ объекта может воспроизводиться и дискретно, с выдвижением на первый план, актуализацией отдельных деталей образа и даже одной. При этом у разных субъектов, разных языковых личностей на первый

план могут выдвигаться разные детали образа, особенно если называемый объект имеет значительную протяженность, в зависимости от опыта хозяйственного или иного использования объекта, от наблюдения и т.д. Так, при звуковом комплексе *Полевой пруд* у одного жителя села актуализируется образ-деталь *плотина* (много раз проходили по ней в лес за ягодами, на дойку коров), у другого – *кусты* (около них раздевались, входили в воду, купались, отдыхали после купания), у третьего – *поле* (рядом с прудом, начиналось сразу от берега, где работали), у четвертого – *овраг*, часть которого и представляет собой этот пруд (в нем косили траву, собирали орехи), у пятого – сама *водная гладь*; и т.д. при целостном мысленном представлении всего пруда. Таким образом, происходит абстрагирование от ряда признаков-деталей, одинаково значимых для объекта, вместе составляющих его сущность, и актуализация говорящим одного (или нескольких) признака, одной детали по принципу субъективной избирательности. Значит, обобщение и абстрагирование, обобщение и выдвижение, выделение, актуализация отдельных деталей (признаков) объекта сопровождают друг друга, интегрируются.

При этом обобщение и абстрагирование при формировании микротопонима происходят иначе, чем при формировании звукового комплекса-апеллятива, поскольку в последнем случае проявляется «классифицирующая работа ума» (Д.Н. Кудрявский), таксономическая функция языка: происходит абстрагирование от несущественных признаков предмета (реалии) и обобщение образов-вариантов в инвариант-понятие. За микротопонимами же стоит индивидуальный образ реалии – представление, для которого тоже характерно обобщение по сравнению с восприятием и абстрагирование, например, от времени (ср.: Уфимцева 1988), а также ряда признаков объекта, одинаково значимых для него, составляющих его суть.

Тем не менее микротопонимическая номинация осуществляется на фоне таксономической деятельности мысли: необходимыми операциями здесь являются предшествующие дифференциации сравнение, сопоставление объектов одного рода. Так, например, номинанта *Барское поле* выделяет данное поле из всех других полей, его отличительный признак по отношению к другим полям – принадлежность, остальные поля в окрестностях населенного пункта имеют другие дифференциальные признаки, каждое – свой.

В плане названных выше процессов обобщения, абстрагирования микротопонимы неоднородны. Здесь различаются мотивированные – немотивированные единицы, актуальные – неактуальные, простые – составные. Обобщение и абстрагирование чисто онимического типа, связанное не с понятием классического вида, а с представлением, характерно для простых немотивированных микротопонимов вроде: ***Молвина***, урочище (Селякино Арз.). Данный звуковой комплекс в сознании жителей старшего возраста рождает образ долины – за кладбищем, у Ближнего леса, с трех сторон окаймленной лесом. Для носителя иносистемы, незнакомого с соответствующим объектом, номинанта не более, чем звукокомплекс. Лишь введенная в высказывание, она получает или проявляет значение приблизительного характера. Например: *В Молвиной сроду цветов было полно. В Молвиной красиво, лес кругом.* Данные

высказывания проявляют значение «место», «место около леса», «красивое место, где растут цветы, около леса». Однако образ конкретного действительного места не создается, или создается свой, виртуальный, поскольку «наименование предмета совершенно немыслимо без предварительного, хотя бы самого элементарного, знания данного предмета» (Серебренников 1988). Это справедливо и для апеллятивной, и тем более для микротопонимической номинации, для которой восприятие объекта обязательно.

В простых мотивированных отапеллятивных микротопонимах зафиксирована связь с понятием, следовательно, с обобщением и абстрагированием, характерным для апеллятива, точнее, с результатом обобщения и абстрагирования – понятие спроецировано на оним и как бы «вмонтировано» в него. Например: ***Малиновка*** – «часть леса, где много малины» – *малина* «кустарниковое ягодное растение семейства розоцветных» (МАС II), ***За-линией*** (поле, Селякино Арз.) – *линия* «железная дорога»; ***Мизи́на*** (урочище, Навашино) – *низкий* «имеющий небольшое протяжение снизу вверх; противоп. высокий» (МАС II) и др. Еще более наглядна связь с понятием (на уровне его вхождения в значение) составных единиц, в частности включающих географический термин: понятие, выраженное географическим термином, целиком входит в значение микротопонима и передает характер объекта, зависимый же компонент – его дифференциальный признак. Например: ***Гусев овраг*** (Селякино Арз.) – овраг, траву в котором косил некий Гусев: *Гусев* (фамилия) + *овраг* «глубокая длинная впадина на поверхности земли, образованная действием дождевых и талых вод» (МАС II); и др. Еще более сложна семантическая картина в составных микротопонимах, зависимый компонент которых является отапеллятивным образованием: в семантическую структуру проецируются уже два понятия. Например: ***Дядю́шкин проулок*** (Селякино Арз.) – *дядю́шка* = *дядя* «брат отца или матери» (МАС I) + *проулок* «небольшой, узкий переулок» (МАС III); ***Церковный овраг*** (Селякино Арз.) – *церковь* «здание, в котором происходит христианское богослужение» (МАС IV) + *овраг*; и др.

Следовательно, образ объекта, запечатленный микротопонимом, является сложным, он сопряжен с другим образом (или образами), передающимся антропонимом или топонимом и/или апеллятивом, и в результате на представление, репрезентация которого составляет семантику микротопонима, накладывается представление, выраженное другим онимом, и понятие (или понятия), выраженное апеллятивом. Таким образом, семантика микротопонима оказывается интегрированной, представляет собой синтез различных ментальных форм. При этом доминирует целостный образ-представление соответствующего географического объекта, выражение которого составляет суть микротопонима. Получается, что микротопонимам свойственна понятийность особого рода – спроецированная и/или включенная, «вмонтированная» в семантику микротопонима и проявляется она не во всех микротопонимах, а только в мотивированных, как простых, так и составных, которых, впрочем, абсолютное большинство в региональной системе.

Обрисованный характер семантики микротопонимов обусловлен двумя факторами: 1) вторичностью микротопонимов как языковых знаков – качество, общее для всех собственных имен; 2) близостью к апеллятивному пласту лексики микросистемы, подвижностью границ между обоими пластами – качество, отличающее микротопонимию от собственно топонимии, тем более – от антропонимии.

Рождение микротопонима происходит в своего рода «камерных» условиях – внутри одной, отдельно взятой микросистемы. Можно предположить, что процесс рождения, закрепления и функционирования микротопонима имеет прототипический характер, это архетип жизни слова вообще: «<...> микротопонимия, в массе пока еще стихийная, представляет для исследователя как бы естественную топонимическую лабораторию», в ней можно «подсмотреть» сам процесс стихийного образования названия» (Никонов 1965).

Принципы, типы микротопонимической номинации различны (языковая, речевая, элементная, событийная, расчлененная-нерасчлененная, опрощенная, осложненная, совмещенная, квалификативная, релятивная, посессивная, атрибутивная, пространственная, темпоральная, акциональная, метафорическая и др.), но в их исходе обязательно лежит пропозиция как выражение событийного ряда, ситуационного комплекса.

Процесс рождения микротопонима представляет собой неразрывное единство трех непосредственно составляющих – номинации, мотивации, деривации. Выделить из этой триады один процесс можно только в исследовательских целях, в жизни же они суть стороны единого процесса.

Маршрут номинации, путь рождения слова и его жизнь в микросистеме вскрывают тексты, причем разного характера – констатирующие, описательные, объяснительные, мотивационные, нарративы – тексты, представляющие дискурс или его часть.

Все пропозиционные инварианты и бесконечное множество их реализаций-вариантов входят в динамический аспект, речевое (коммуникативное) проявление этого фрагмента региональной языковой картины мира, хотя в целом в ней языковое (языковые закономерности) и речевое (речевые закономерности) предельно сближены как в компоненте, лишенном письменной фиксации.

Второй раздел – ***«Микротопонимия в языковом и концептуальном аспектах»*** – включает четыре главы, в каждой из которых описывается вербальное выражение определенного концепта – ***«Пространство»; «Время»; «Человек»; «Число. Сакральность»***. Объединение двух концептов в последней главе основано, в частности, на сакральности некоторых чисел.

Значительный объем имеет первая глава – ***«Пространство»***. Внутри ее описание материала дано по параграфам в соответствии с пространственными параметрами: 1. местонахождение, степень удаленности; 2. направление, векторность; 3. размер, протяженность; 4. форма, конфигурация; а также в соответствии с микротопонимическими средствами выражения. Специальный параграф посвящен апеллятивному аспекту вербализации пространства, прояв-

ляющемуся в том числе в дискурсе, в текстах. Предваряет же описание материала «Общая пространственная характеристика топонимической микросистемы».

Фактический материал, анализ его показал богатство пространственных оценок, богатую разработанность языковых средств выражения пространственных параметров. Отражая дифференциацию частей пространства, микротопонимия представляет собой поле в составе проприального сектора регионального фрагмента ЯКМ: ядро (ядерная зона) – наименования объектов в самом населенном пункте (с точкой отсчета от его центра), центр (ближний дистанционный пояс) – наименования объектов, находящихся вблизи села, недалеко от него, периферия – дальняя (за линией горизонта) и отдаленная (за пределами соседних населенных пунктов). Полевую структуру имеет и каждый дистанционный пояс, в том числе и ядерная зона: средина (центр) села – улицы и другие объекты, прилегающие к средине села, – концы улиц и объекты, находящиеся на них, – объекты, расположенные на отшибе, на границе с ближней зоной и примыкающие к ней.

Или: отдаленная периферия с ориентиром по соседним населенным пунктам, точнее, находящаяся за ними, предстает затем по более отдаленным пунктам, еще более отдаленным и т.д. с движением по мере удаления к крупным, более известным селам, поселкам, городам при условии, что объекты входят в зону интересов, в кругозор членов коллектива, в личную сферу говорящего (Ю.Д. Апресян). Здесь почти нет (при наличии же имеют опосредованный характер, вне зоны наблюдения, будучи воспринятыми понаслышке) или вовсе нет микротопонимов, пространственными указателями здесь являются топонимы: *туды к Котихе*; *лес-ат там где-то за Коваксой*; *где-то окол Арзамасу*; *туды к Горькому*; *эт туды к Москве*; и под. Отдаленная для микросистемы периферия, в свою очередь не одномерная, представлена несколькими зонами, которые в общем виде могут быть названы как внутрирегиональные (*к Арзамасу*, *около Сарова*, *к Горькому*, *Нижнему*) и внерегиональные (*к Москве*, *около Москвы*, *где-то в Сибири* и т.д.). В этом случае происходит смещение пространственных зон: центр топонимической системы в пределах общей ЯКМ (*Москва*) и центр региональной топонимической системы (*Горький-Нижний*) становятся отдаленной (и еще более отдаленной) периферией для каждой микросистемы. Для микросистемы центр – соответствующий населенный пункт.

При этом микротопонимия имеет концентрическую организацию, по кругу, вокруг ядра, дистанционное опоясывание, «поясность», и связана, как и весь концепт, с оппозицией «свой – чужой». *Своё – чужое* разделяет своеобразная зона пересечения смежных микросистем. Микротопонимия отражает освоенное в направлении от дома *свое*, перцептуальное пространство вплоть до окрестностей соседних сел, за которыми начинается уже неперцептуальное, ментальное пространство, последовательно, центробежно расширяющееся до ближайшего посёлка, районного центра, города, областного центра, вплоть до ментального образа Родины. Ментальное пространство отражается собственно топонимами, макротопонимами, ойконимами, гидрони-

мами – названиями городов, рек, озер как опорными сигналами в этом пространстве. По мере развития языковой личности данной микросистемы происходит расширение ментального пространства и объема оппозита «свой, своё». См.: «Первичный концепт «Мир как то место, где живем мы», «свои» и концепт «Мир – Вселенная, Универсум» связаны в самом прямом смысле этого слова отношениями расширения в пространстве: осваивается все более обширное пространство, черты первоначального «своего» мира распространяются на все более далекие пространства, а затем, когда физическое освоение за дальностью пространства становится невозможным, освоение продолжается мысленно, путем переноса, экстраполяции, уже известных параметров на более отдаленные расстояния» (Степанов 2001; ср.: Кубрякова 1997; Лебедева 2000; Ковалев 2003; Кошарная 2002; и др.).

Микротопонимия передает картирование местности от номинационного ядра – дома коллективного субъекта, имеющее центробежный характер. При этом номинация всегда объектокоординирующая, направленная на локализацию объекта, а не субъекта.

Представленная структура микротопонимического пространства является типизированной, закрепленной в сознании и языке каждого члена коллектива, каждого пользователя системы – для коллективного субъекта, коллективной языковой личности, имеет «надрегиональный», «наддиалектный» характер.

Микротопонимия в плане локализации объектов является богатой системой, располагающей многообразными средствами передачи пространственного статуса объекта, его пространственной оценки. При этом из всех параметров наиболее представлен первый – местонахождение, степень удаленности. Именно он прежде всего отвечает предназначению микротопонимии. В арсенале средств его выражения:

– отсубстантивные единицы (при исходной базе с пространственным значением или имеющей отношение к пространству – *центр, село, деревня, церковь, середина, конец, околица, хвост, слобода, слободка, келья, курмыш, кут(ок), бутырки, хутор (кутор), мыза, гумно, гуменник, огород, усадьба, майдан, межа, рубеж, грань, черт* и др.);

– девербативы (от глаголов, передающих идею обособления, отделения, – *выселить(ся), вытряхнуть(ся), вышвырнуть, вышибить, выползти, замчать, засунуть* и др.);

– ориентированные (исходная база – предложно-падежные конструкции, с разными предлогами, особенно с *на, у, за, под, к, по*, менее – *меж(между), в, от, до, через, против, около);*

– отадъективные (адъективы с суффиксами отношения *-ск-*, *-н-*, параметрические – *передний, задний, крайний, средний (середний), ближний, дальний, верхний, нижний, исподний,* квалификативы *глухой, лихой, разбойничий, разбойный*);

– отзоонимные (зоонимы-апеллятивы: *кошка, курица, собака, свинья, корова, телята, бык, лошадь, конь, кобыла, коза, овца, баран; медведь, волк,*

лось, лиса, заяц; гуси, утки, журавли, грачи, ворон(а), чайка и др.; *лягушка, уж, змея; пчелы, комары*);

– квантитативы (нумеративные единицы от порядковых или количественных числительных: от *первый* до *девятый* и далее, *один, два* и т.д.);

– от(макро)топонимные (исходная база – топонимы и макротопонимы: *Дальний Восток, Европа, Азия, Вьетнам, Камчатка, Москва, Куба, Кавказ, Украина, Тында* и др.).

Средства выражения других пространственных параметров в микротопонимии менее разнообразны. Так, направление представлено отсубстантивными единицами (субстантивы – обозначения сторон света: *север, юг, восток, запад*), отадъективными (адъективы от обозначения сторон света и их заместителей: *южный, северный, красный, темный,* а также *правый – левый,* с суффиксами *-ск-/-ськ-, -н-*), ориентированными (от предложно-падежных форм с предлогами *в, к, за, до, от, через,* меньше – с *под, на*).

Размер, протяженность (и по горизонтали, и по вертикали) в микротопонимии передается в основном единицами от параметрических прилагательных (*большой, великий, малый, маленький, длинный, долгий, короткий, широкий, узкий, узенький, высокий, низкий, низенький, крутой, пологий, глубокий, мелкий*). Отсубстантивные единицы здесь менее представлены.

Форма, конфигурация объекта выражена микротопонимами отадъективного характера (адъективы параметрического содержания *прямой, кривой, косой, круглый, кругленький, острый (вострый)*), а также отсубстантивного (субстантивы, выражающие пространственные идеи круга, кольца – *глобус, хомут, котел,* сужения – *клин, угол, мыс, нос;* разветвления – *развилки, отроги, отросток, штаны, портки, рукав;* пересечения – *кресты, ножницы;* и некот. др.).

Бо́льшую микротопонимическую разработанность имеют ядро системы и ближний дистанционный пояс. Именно здесь, прежде всего, задействованы разнообразные средства выражения идеи пространства. Эти зоны составляют основу жизненного пространства человека (семья, община, личное хозяйство, водоснабжение, досуговые занятия, коммуникация на разных уровнях и др.), отражают освоенность, обжитость небходимой для жизнедеятельности человека территории.

В этой связи следует обратить внимание на то, что в системе мало микротопонимов с реализацией в значении семы 'впереди', а также на количественное соотношение «Передних – Задних» номинант в пользу второй, семантический параллелизм *Передний – Ближний*, дискурсное соположение *Передний – центральный, Передний – вначале* (хроносема), многочисленность микротопонимов в обличии предложно-падежных форм с предлогом *за* и приставкой *за-* и отсутствие таковых с предлогом-приставкой *перед.* И даже при наличии объектов впереди домов (а это может быть дорога, пригорок, дерево, колодец, пруд) они, как правило, не называются единицами от (с) *передний.* Здесь обычно используются отэпонимические обозначения с реализацией в дискурсе сем 'рядом', 'у', 'около', 'недалеко от', 'напротив', очень редко – 'перед': ***Ковыльков*** (***Зубанов***) ***тополь.*** *Окол Ковылька он, большущай. А тут и*

Зубановы в соседях, и Зубанов тополь зовут. ***Оку́линькина гора.*** *Около Окулиньки она. На ней се робятишки катались.* ***Тату́лин колодезь.*** *У Татулиных он, рядом.* ***Шошков пруд.*** *Недалеко от Шошковых он.* (Селякино Арз.); ***Терёхин пруд.*** *Он находится прям перед окнами Терёхиных.* (Шерстино Арз.); ***Ра́тин колодец.*** *Напротив Ратиных он.* (Водоватово Арз.); ***Егору́хин колодезь.*** *Он су́пра дома Егора Егорухина.* (Размазлей Ард.). Дорога же обычно называется по улице: ***Курмы́шская дорога.*** *По Курмышу идет.* ***На-Стрели́це. По-Стрели́це.*** *Дорога-то По-Стрелице заросла, там мало ездют, вот там и зелено́.* (Селякино Арз.). Данное обстоятельство связано и с типом застройки, поселений. Особенно в случае если улица однорядовая (предпочтительно с окнами домов на юг) или если дома на отшибе, есть место для «передних» объектов и соответствующих названий. Однако и здесь система сдерживает использование этого параметрического показателя, представляя важность семантики 'внутри', 'на краю' (села) при отсчете по направлению от номинационного ядра, а не от ряда домов.Перечисленные факты вкупе свидетельствуют об освоении, обживании и обозначении пространства в направлении *за домом, за селом* от номинационного центра, что в значительной мере согласуется, например, с наблюдением, выводом по топонимии Русского Севера, где «вся географическая жизнь» начинается за деревней» (Березович 2000).

Микротопонимы как локализаторы эксплицируют свою суть при функционировании их в речи, в текстах, в дискурсе. Именно здесь раскрывается и/или подкрепляется, подтверждается локализирующая роль микротопонимов. Пространственными показателями, конкретизаторами, уточнителями выступают апеллятивы, в том числе определяющие внутреннюю форму единиц, вхождение их в ту или иную зону микротопонимического поля. Именно в дискурсе с помощью семантических уточнителей вскрывается процесс проецирования значений апеллятивов на внутреннюю структуру микротопонима, актуализации тех или иных сем, семного комплекса, проявляющий подлинные мотивировочные признаки в зависимости от подлинного пространственного образа объекта. Например, с семами 'в отдалении', 'на отшибе' при совмещении их с семами 'крайний', 'небольшой', 'маленький' используется апеллятив *куток* и родственные ему слова как исходная база в микротопонимии: ***Куток.*** Улица. *На краю сяла эта улица, в закутке. – Уж больна она маленька да узка Вот и зовут Куток.* (Крюковка Лук.). *Крайняй парядок, вот и завут Куток.* (Лукоянов). *А парядочек-та стаит савсем маленький, всего дамов шесть, куточек прямо.* (Нехорошево Лук.); ***Куто́к.*** Часть села. *Все улицы села рядышком, а Куток оне за версту утнисли.* (Круглово Ард.). *На самом краю мы, на атшибе, вот и Куток.* (Лопатино Лук.; Крюковка Лук., Учуево-Майдан Поч., Архангельское Шатк.). (Ср. в СРНГ. Вып. 16: куток «часть села, хутора; конец селения». Дон. Курск. Рост. Том. Амур.; «улица». Южн.; «переулок». Тамб.; «закоулок». Ворон.); ***Кута́н.*** Улица. *Удельна́ эта улица-то от всех была, укутана, что ль, как бы чем-то, вот и прозвали так, Кутан.* (Умай Вад.). (СРНГ. Вып. 16: кутан «хутор недалеко от основного селения, куда зажиточные скотоводы перегоняли скот на летние пастбища». Терск. Тифлис.); ***Куто́вка.*** Улица. *Как в закутке улица-то. патаму и Ку-*

то́вка. – Па-нашему, канец – это куток, эта улица канечна, и завем еѐ Кутовка (Суворово Див., Хрипуново Ард.). (Ср. в СРНГ. Вып. 16: кут «конец улицы или переулок, заканчивающийся тупиком». Арх. Курск. Краснодар.) и др.

Противоположным в разных микросистемах является содержание микротопонимов, связанных с лексемами *слобода́*, *слобо́дка*. В литературном языке *слобода́* – это в том числе «обособленная часть большого села» (МАС IV). Ср. у Даля: слобода́ «село свободных людей; пригородное селенье, подгородный посёлок, за городом, т.е. за стеною, род посада» (Даль IV). В микротопонимии реализуются, прежде всего, семы 'обособленно', 'на отшибе' в сочетании с семами 'свободно', то есть 'просторно', 'мало'. Например: ***Слобода́.*** Конец села. *Где сѐло концатся, там Слобода.* (Гремячево Кул.); ***Слобода́.*** Улица. *В Слободу уходили молодѐжь, строились тама и жили ут основной деревни в стороне.* (Большое Туманово Арз.). *Выселились сначала сюда домов шесь, жили оне там слободно, вот и Слобода.* (Латышиха Спас.). *Слобода́ улица есь. Простор, наверно, вот и Слобода́.* (Хрипуново Ард.). *Слабада́ абазначат свабодны земли* (Ильинское Поч.) и др. То же и со *Слободкой*: ***Слобо́дка.*** Улица. *Отдельно от других улиц она, свободно стоит, на краю деревни, эт Слободка.* (Елховка Спас.). *Она была немножко отделена от сила, потому и Слободка. Слобо́да была, некто́ не строился, видишь, кака́ улица ровна* (Красный Бор Шатк.). *На атшибе эта улица-та, на свабодном месте. Так назвали первы переселенцы.* (Чиргуши Лук.). *Там она откинута от села-то подальше, манинько улица на отшибе. Там слободно, порожне место было, так уж и зовут Слободка* (Котовка Ард.). *Да ана на слабо́де стаит.* (Кожино Арз.). *Потому что живут так свободнее, не так кучнее дома расположены. Она с краю стоит, отдельно за речкой, вот и Слободка.* (Никольское Арз.). *Эт верхня улица, за оврагом, где мало народу.* (Селёма Арз.) и др.

Во многих случаях с названными семами сочетается социо- и хроносема 'вольный'. Например: ***Слобода́.*** Улица. *Люди здесь кали-то селились с выкупленной вольною у памещика, вот и назвали Слабада́.* (Ульяново Лук.); ***Слобо́дка.*** Улица. *На этой улице давно-то жили люди не ба́рски, а слобо́дны, барина у них не было. Вот и звали их слободными, а улицу Слобо́дкой* (Котовка Ард.)

В других микросистемах соответствующие онимы содержат семы 'в центре', 'в середине' в сочетании с семой 'много'. Например: ***Слобода́.*** Улица. *Там, где магазин, Слобода, центральна улица.* (Липовка Ард.). *Здесь самай широкай порядок и дорога, так и прозвали Слобода́.* (Мотовилово Арз.). *Слобода́ вот у нас центральна улица.* (Пятницы Арз.); ***Слобо́дка.*** Улица. *Слободка-то у нас сама большая улица в селе. – Большая улица-то была, раньше много народу на ней жило. Вот Слободкой и стали называть, большая, значит, улица.* (Измайловка Ард.) и др.

В обоих случаях, при своеобразной энантиосемии (в макросистеме), у данных микротопонимов проявляется ассоциация со словом *свободный*: сво-

бодный – просторный, поскольку на отшибе и мало домов, и свободный – большой, раскинувшийся на большом пространстве, в большом количестве.

В микротопонимах реализуются различные значения диалектных апеллятивов-полисемантов или параллелей, функционирующих, по данным СРНГ, в разных говорах. Словарь не всегда дает к значениям слов помету *нижегородское*, микротопонимические же комплексы свидетельствуют о их наличии в говорах Окско-Волжско-Сурского междуречья. Образование от диалектных слов обусловливает, так сказать, двойную региональность микротопонимов: по производящей базе и по результату деривации.

В окско-волжско-сурской микротопонимии значительны микропарадигмы с пространственными прилагательными: *большой, малый, средний, верхний, нижний, исподний, долгий, короткий, ближний, дальний, широкий, узкий, высокий, низкий, глубокий, мелкий, крутой, пологий* и производными от них единицами. В этой сфере актуально явление сравнительности, пересекающееся с полиименностью и параллелизмом, кратностью, а в апеллятивной зоне – с антонимией, синонимией, которые проецируются на проприальную сферу, где преобразуются в специфические отношения (*крутой=большой=высокий, пологий=низкий, широкий=большой, узкий=маленький, передний=ближний, большой=великий, длинный=долгий, пологий=мелкий, крутой=глубокий, кривой=косой (косенький), передний ≠ задний, передний ≠ дальний, верхний ≠ нижний, широкий ≠ узкий, высокий ≠ низкий (низенький), крутой ≠ пологий; крутой (крутенький) ≠ низкий, большой ≠ малый (маленький), длинный ≠ короткий, прямой ≠ кривой* и др.). На эти отношения накладываются отношения сопутствия, сопряжения, включения (Большой = Долгий = Крутой = Глубокий), сопоставления (Ближний ⌐ Дальний). Таким образом, происходит и совмещение пространственных параметров, показания которых сопрягаются с ландшафтными (рельефа), социальными, экономическими, оценочными, временными. Тем самым создаются комплексы топо-, социо-, аксио-, хроносем.

Сопоставительный обзор, анализ единиц названного типа выявил и количественный фактор. Так, оказалось, что микротопонимов, связанных с *дальний*, почти в два раза больше, чем с *ближний*, с *нижний* примерно в три раза больше, чем с *верхний*, в целом «горизонтальных» в десятки раз больше «вертикальных». Кроме того, при значительном количестве единиц с *Малый, Маленький* и семантически подобными им номинантами их всё-таки меньше, чем с *Большой*. В последнем случае дело, видимо, в большей актуальности, большей значимости для хозяйственной деятельности сельского жителя именно признака *большой*. Аналогичное положение с *широкий* по сравнению с *узкий*. Особенностями (трудностями) хозяйственной эксплуатации объясняется также преобладание единиц с (от) *кривой, косой* сравнительно с (от) *прямой*.

Что касается перевеса «Дальних» номинант, то, по-видимому, этот признак оказывается сильным дифференциатором для периферии с реализацией сем 'дальше чем', 'в отличие от'. При большей же разработанности ближнего дистанционного пояса признак *ближний* ослабевает в своей дифференцирующей функции, тем более что здесь задействованы другие показатели, в частности зоонимические и антропонимические. Доминирование «Нижних»

и в целом «горизонтальных» единиц объясняется характером рельефа региона. В рассматриваемой нами микротопонимии параметрические микропарадигмы представлены богато. Она реализует пространственную горизонталь. И хотя в регионе, названном когда-то П.И. Мельниковым (А. Печерским) Горами, много холмов, в микротопонимии вертикаль представлена слабо.

Микротопонимия региона отражает горизонтальное пространство, признак «горизонтальность», связанный с признаком «дистанционность», с ориентацией по линии близость – дальность в связи с отражением рельефа местности как части ландшафта. В целом же в этом фрагменте региональной русской ЯКМ отражено «равнинное» мышление говорящих, носителей языка. (Ср.: Яковлева 1994). И даже *верхний – нижний* в микротопонимии имеют горизонтальную ориентацию, а не вертикальную. Русская топонимия, в том числе нижегородская, реализует пространственную горизонталь.

Вторая глава – ***«Время»*** – представлена пятью параграфами: 1. Общий взгляд на концепт *время*. 2. Время в статическом аспекте микротопонимии. 3. Время в апеллятивном аспекте. 4. Время в дискурсном аспекте. 5. Хронотоп.

Человек находится во власти времени. Оно универсально, пронизывает все стороны бытия человека: «Бытие и время взаимно определяют друг друга» (Хайдеггер 1993). Время и элементы бытия обусловливают друг друга: время – пространство, время – человек, время – действие, деятельность, движение, время – предмет, объект, время – оценка, время – причина, условие и др. (См.: Гак 1997). Эти обусловленности имеют не только линейный (попарный), двучленный характер, но и создают зоны пересечения.

Учеными выявлен, предложен, интерпретирован ряд видов, моделей времени: до 12 – «пульсирующее время», «круговое» или «циклическое время», различные виды линейного времени (христианское, ньютоновское, линейное, идущее по направлению прогресса или регресса), время как последовательность точек, «спиральное время», «летописное время», «время хроник», собственно «историческое время» (Степанов 2001) – и даже до 30 (см.: Арутюнова 1997). См. также: физическое (естественное, природное) время, метафизическое (философское, обобщенное), бытовое (житейское, утилитарное, индивидуальное), официально-юридическое, бытовое (Зализняк, Шмелев, 1997), духовное (Рябцева 1997), реальное, перцептуальное (Слюсарева 1976), объективное, перцептуальное, художественное (Тураева 1979), историческое (астрономическое), циклическое (аграрное) и сакральное (Церкви), сезонное, суточное, календарное, возрастное, событийное, досуговое (ср.: Живов, 2004; Потаенко 1997), в диалектной картине мира – циклическое, психолого-экзистенциальное, линейное (осевое), христианское (эсхатологическое) время (Белякова 2005), а также другие модели. Две из них являются доминантными: *циклическое*, соответствующее космологическому сознанию, и *линейное*, соответствующее историческому сознанию (Успенский 1989; Арутюнова 1997; Гюйо 1899; Степанов 2001; и др.). Циклическое время противопоставляется линейному, как мифологическое – историческому (см.: Толстая 1991; 1997; Толстой 1997; Толстые 1992). Время мифическое («на-

чальное», «раннее», «первое», «правремя») предшествует эмпирическому (историческому), «профанному» времени. (Мелетинский 1987).

В сельской картине мира, как в жизни в целом, совмещаются обе модели времени, цикличность и линейность (с сопряженностью в ней предыстории и последующей истории явлений), дополняя друг друга. (Ср.: Яковлева 1994; Цивьян 1990; Толстая 1991; и др.).

Здесь универсальное циклическое время проявляется, находит выражение в сезонности, в смене природных циклов, отражающихся на трудовой деятельности сельского жителя, в смене рода его занятий, времяпрепровождения (см. об этом: Белов 1984; Даль I) и соответственно в жизни объекта. Человек, как и объект-референт, втянут в цикличность, сезонность жизни с ее заполненностью трудом, с хозяйственной круговертью, с обрядами, поверьями, суевериями, с буднями и праздниками и т.д. Сельский коллектив, сообщество подчиняет свою жизнь природным циклам, организует ее в соответствии с их сменой.

Само выделение объекта из общего пространства связано с сезонной деятельностью человека – хозяйственной и досуговой. Скажем, участок леса замечен, выделен, назван, потому что здесь некая Марья нашла ягодное место, и поскольку она первой его обнаружила, то и назвали ее именем – *Марьино место, Марьин лес*. Или: участок леса определили некоему Сидору (или Сидорову) для зимней заготовки дров – *Сидоров лес*; овраг для покоса определили Гусеву (*в выте́ дали ему этот пай*) – *Гусев овраг*; участок земли отвели Тихону – *Ти́хонска земля, Ти́хонска*; место, где проходили гуляния молодежи на Троицу, – *Красная Горка*; и т.д.

В то же время объект может проживать и линейное время, видоизменяясь, превращаясь в другой объект, другого характера. Так, *поле* может зарасти и стать *лугом*, оно может зарасти кустарником, деревьями и стать *лесом*, *болото* после осушения может превратиться в *луг*, *лес* после вырубки – в *луг* и т.д. При этом заканчивается жизнь и соответствующая эксплуатация одного объекта (объекта одного качества) и начинается жизнь другого объекта, в другом качестве. Например: ***Большо́й Луг.*** Лес. *Раньше там был луг, а патом вырос лес, а название так и асталось – Бальшой Луг.* (Неледино Шатк.); ***Боло́то.*** Луг. *Раньше там болото было, а топерь луг.* (Личадеево Ард.). *Болото – луга, косили их, раньше болото было, а сцас высохло.* (Саконы Ард.). *На этих лугах раньше было большое болото, а потом оно высохло. Мы здесе сенокосили.* (Забелино Арз.); ***Ба́рский Сад.*** Луг. *Там раньше сад памещика Клода был. А теперь нет его, луг уж. А место сё Барским Садом завут.* (Юрьево Гаг.).

В практической деятельности человек, пребывая во власти времени и не имея влияния на него, власти над ним, подчиняется ему, приспосабливается к нему в своих делах. Время, таким образом, связано с событийным пространством, с интерпретационной деятельностью человека и того коллектива, социума, принадлежностью которого он является. Ср. в этой связи мнение: «В русском языке <...> практически все слова, обозначающие отрезок времени, могут обозначать также и события, которые развертываются на этом

отрезке» (Падучева 2000). В жизнь человека, коллектива вписывается, (в)монтируется жизнь географического объекта, постигаемая через события, череду событий. На географическом объекте, около него, в связи с ним происходят те или иные события. И таким образом, время подчиняет себе пространство, физическое и событийное, являясь по своей сути линейным.

Линейное время связано с неповторимостью явлений, событий, с их индивидуализацией, что соотносительно с индивидуализацией объекта через микротопоним и соответственно – с индивидуализирующей функцией микротопонима. Время жизни названия объекта линейное: название появляется (рождается) – живет – и умирает в связи с прекращением эксплуатации объекта и возможным последующим его забвением. Процесс создания микротопонима, реконструированный на базе (результатов) «внутреннего созерцания» языкового коллектива, отражает направление движения времени: начало этого процесса уходит в прошлое (начальное звено пропозиционной структуры, номинационной цепочки остается позади), через этапы отсечения срединных звеньев цепочки – к конечному соотношению имени как репрезентанта результата номинации с объектом. Динамика этого процесса согласуется с современным представлением идеи направления движения времени. Аналогичной является временная линия и у внутренней формы онима, его мотивации. Так, тексты, включающие в себя микротопонимические варианты в сочетании с разными мотивационными версиями, свидетельствуют о движении по пути забвения подлинного события-прецедента, отражении его в виде неких отголосков. Например: ***Гара́нюшкина яма. Гара́ськина яма.*** Место на реке. *Гара́нюшкин хотел утопиться там, а сам не стал. Вот и в шутку и прозвали Гаранюшкина Яма. – С Гаранькой там что-то было. – Гараська был у нас один, ну и отчудил чёво-то. Вот и Гараськина Яма* (Саблуково Спас.). Фиксируется и полное забвение событийного плана: ***Гага́ринское поле.*** *За лиском Гагаринско поле идѐт. Кто знат, что ано Гагаринско.* (Чапары Шатк.).

В микротопонимическом пространстве течение, поток времени, отражается, ощущается в явлениях демотивации, неомотивации, гипотетической мотивации, полимотивированности, в тех переходах, промежуточных стадиях, которые проявляются на мотивационной шкале с ее дихотомией: мотивация, полная мотивированность – демотивация, немотивированность.

Однако представленная схема движения времени является общей. Между временными вехами этой темпоральной шкалы, соответственно делению *живет*, может быть и проявляется значительная длительность, равная жизни нескольких (и даже многих) поколений. Эта схема иллюстрирует лишь хронологическую направленность и необратимость.

Языковой коллектив тоже переживает линейное время, с общими составляющими: векторностью,временными параметрами – длительность, протяженность, предшествование, следование, последовательность, одновременность. Однако существенным параметром здесь является *постепенность*, связанная уже не просто с явлением *возраст* человека, а с явлением *поколения*. Сельский социум, как и человечество в целом, в норме (вне экстремаль-

ных условий), переживает, проживает постепенное обновление своего состава, через смену не просто отдельных людей, прошедших свой путь от начала до конца, но через возраст и смену поколений. Язык сохраняет, в том числе и в микротопонимии, иногда фрагментарно, в виде отголосков, былое содержание циклов жизни сельского коллектива и события. И здесь мы выступаем уже в иную область, иную сферу хроноса – сферу памяти, памяти отдельного человека, языковой личности и системы. Актуальная память коллектива сохраняет связь объекта и его названия с делами людей, членов коллектива. Однако объем этой памяти меняется с течением времени: что-то уходит в пассив памяти и используется лишь ретроспективно, а затем, оказавшись невостребованным, уходит в небытие, забывается, и для языкового коллектива остается лишь сама связь названия и объекта, которая тоже может разрушаться.

Различные совмещения моделей времени в региональной картине мира, двучленные и многочленные, происходят на фоне событийной модели и при ее доминировании и проявляют бытовое время, которое может переходить в надбытовое, духовное при осознании связи с предками, при религиозном отношении к жизни и ее ценностям, при сакрализации.

Таким образом, в микротопонимическом фрагменте региональной ЯКМ отражается время жизни а) референта (денотата) – объекта, б) его названия, в) внутренней формы названия, мотивации (мотивированности), г) человека как члена коллектива пользователей названия (и микросистемы в целом), а также д) временная точка, временной локус события, е) само событие. При этом номенклатурно, статически проприальные единицы выражают саму референцию имя – объект, обстоятельства же ее становления, протяженность ее существования и другие стороны выражаются в дискурсе, в том числе часто с фиксацией смещения онтологической сущности объекта.

Проприальный фрагмент языковой презентации времени в наивной картине мира сельского жителя оказывается довольно объемным. При этом время выражено в разных единицах микротопонимического пространства: в самом микротопониме, апеллятивами, в текстах разного характера. В самих единицах-микротопонимах время отражается через внутреннюю форму.

Средствами вербализации концепта *время* в статическом аспекте микротопонимии являются единицы:

– отадъективные (прежде всего, от адъективов *старый – новый, молодой*), с проецированием, актуализацией сем 'давно' – 'недавно'; 'прежде', 'раньше' – 'позднее', 'вновь', 'вместо; 'предшествующий' – 'последующий': ***Старая Линия***. Улица. *Давно уж она, вот и зовут так· Стáра Линия*. (Митино Вач.); ***Старая слобода***. Улица. *Потому что преже всех сделана улица, как началось Мечасово, в овраге были кельи*. (Мечасово Ард.); ***Старый колодец***. *Построили его давно, вот и зовут так*. (Мухтолово Ард.); ***Старый кордон***. *Допотопнай он, не помню, когда строился*. (Красный Бор. Шатк.); ***Старая Поляна***. Поле. *Эт поляна сыстари была, пахали там. Вот и назвали Старая Поляна* (Красная Поляна Арз.); ***Нóвая деревня.*** Улица. *Живу-то я на улице, катору Новай Деревней называют, нидавно иё пастроили. – Это но-*

вая улица, ана бальшая. Вот и назвали Но́ва Деревня. (Осиновка Див.); ***Но́вая линия.*** Улица. *Её недавно построили, вот и зовут Но́ва Линия, она уж при советской власти поевилась.* (Красное Арз.); ***Но́вая слобода́.*** Улица. *Пастроили её недавно.* (Старое Иванцево Шатк.); ***Но́вое поле.*** *Новое поле, потому что распахали его недавно. Его сеить недавно стали, вот и зовут Новым полем.* (Большие Печерки Шатк.); ***Новопорядка.*** Улица. *Эта улица недавно появилась.* (Понетаевка Шатк.) и др.;

– квантитативы (от *первый* до *десятый* и далее; *один, два* и т.д.); первый объект в этом случае является таковым и в плане расположения (пространственный локализатор), и в плане времени обнаружения при освоении пространства от номинационного ядра (темпоральный локализатор); все остальные единицы в ряду являются последующими и в пространстве, и во времени: ***Первый колодец.*** *Этот калодец самай первай был пастроен и находится в начале улицы.* (Сергач); ***Первый осинник.*** Лес. *Окол школы астался асинник, выпуклай, возле палей. А назвали, кагда мы были малоденькими, нам ище дасталось там карчёвать.* ***Второй осинник.*** Участок леса. *Он за Первым асинником, их разделят поле, шириной около тридцати метров.* (Норковка Выкс.); ***Третья улица.*** *Эта улица третья строилась, вот и Третья улица.* (Сергач) и др.;

– отсубстантивные (субстантивы-историзмы, социальные и бытовые маркеры, обозначения титулов – *барин, барыня, князь* и др., рода занятия лиц – *кузнец, мельник, ямщик* и др., реалий прежней хозяйственной жизни сельского коллектива, экономических отношений – *овин, рига, кузница, мельница, гумно* и др.; *барщина, удельщина*; субстантивы-неологизмы XX века – *кооператив, комиссар, коммуна, комбинат, комсомол, колхоз, совхоз, сельсовет, БАМ, детсад* и др.): ***Ба́рин-лес.*** *Мне отец говорил, будто там барин какой-то прятался от советской власти.* (Крутой Майдан Вад.); ***Кня́зев лес.*** *Князь там жил* .(Каркалей Ард.); ***Графи́нские Пропастя́.*** Овраги. *Там граф жил, а сичас там иво дом астался.* (Первомайск.); ***Ови́нник.*** Место в деревне. *Раньше там овин был, сечас его нет, а названье осталось.* (Рыбино Павл.); ***Гу́мны.*** Место на лугах. *Раньше там гумны были, хлеб там молотили.* (Новый Усад Спас.); ***Ме́льничное поле.*** *Там мельница была, таперча поле* (Новосёлки Воз.); ***Ку́зница.*** Болото. *Кузница там раньше была.* (Красная Поляна Арз.); ***Ра́диво.*** Урочище. *Пасёлки раньше были Ра́диво, Вална́. Паявилось радиво впервой. Вот с радости и назвали. На Ра́диве щас адне кустики.* (Александровка Лук.); ***Сельсоветская дорога, Сельсоветский рубеж.*** Дорога (Сиязьма Ард.); ***Сельхозтехника.*** Часть поселка (Перевоз); ***Сельпов проулок*** (Кудеярово Лук.); ***Советское болото.*** Пруд (Меленино, Умай Вад.); ***Совхозный пруд*** (Суроватиха Д.-Конст., Путятино Шатк.); ***Высоковольтка.*** Лес (Первомайск); ***Высоковольтное.*** Место на реке Пьяне (Лопатино Вад.) и др.;

– отсубстантивные (субстантивы-возрастные маркеры – в основном *дед, дедушка, бабушка*): ***Де́дов`враг.*** Овраг. *Около ниво, аврага-та, дед жил.* (Калапино Шатк.); ***Де́душкин колодезь.*** *Де́душкин кало́дезь на Красной горке был Дедушка какой-то иво́ вырыл.* (Архангельское Шатк.); ***Ба́бушкина***

Пе́чка. Место на реке Чеке. *Ме́лко там, старики и то купались.* (Аносово Б.-Болд.) и др.;

– отсубстантивные (субстантивы-обозначения времени года, сезонов, времени суток, при этом из всех сезонов номенклатурно в микротопонимии представлены лишь *весна* и *зима*, особенно *зима*, что определяется природными, климатическими условиями жизни сельского социума в регионе, а из времени суток – *полдень*): ***Зимня́к.*** Дорога. *Эт дорога, проходила через болото. по ней токо зимой и можно было проехать, потому что на этим мессе трясина была. – По Зимняку́ ходили в лес, и сейчас ходят в лес* (Шерстино Арз.); ***Весну́шка.*** Ручей. *Весной она разливатся, вот и Веснушка.* (Абрамово Арз.); ***Полде́нка.*** Улица. *Ту сторону Полде́нкой зовут: там ведь как полдень, так и солнце в окошки пере́дни.* (Леметь Ард.); ***Полдённая гора.*** Холм. *Она на по́лдне стоит, старики так назвали.* (Лопатино Вад.) и др.;

– отантропонимные (антропонимы – имена собственные исторических лиц); такие единицы – это сигналы давнопрошедшего времени: ***Грозный.*** Овраг. *Гаварят, что там Иван Грозный на Казань прахадил. Вот па ему завут.* (Юрьево Гаг.); ***Пугачёва гора.*** *Пугачёва патаму, что войско Пугачёва там привал делало.* (Свербино Шатк.); ***Разина гора.*** *Разин сам там был, золото схаранил.* (Покров Гаг.) и др.;

– разные по исходной базе (отглагольные, отадъективные, отсубстантивные), репрезентирующие досуговое время: ***Гу́льбишный овраг.*** Овраг. *На Уневке он; бывало, там гуляли, гульба, ярманка там была, торговля.* (Волчиха Арз.); ***Гу́льный колодезь.*** *Мимо иво гулять все ходили, кузьле́ськи* [из с. Кудлей] *мимо иво гуляли, погуляют, погуляют, пить пойдут, вот и Гу́льнай колодезь.* (Кармалейка Ард.); ***Гуля́вка.*** Улица. *Это улицу у нас так звали Гулявка. Там всигда праздники справляли.* (Полупочинки Див.); ***Гуля́вка.*** Часть села. Поле. *А вон то место мы Гулявкой называм: гуляли там. – Раньше был Гуляв дол, там барин с девками гулял.* (Кержемок Шатк.); ***Гуля́нская.*** Место в лесу, где гуляют на Троицу. *На Гуляньськой сегодня много народу. – Там хорошо, на Тройцу гуляют там.* (Котиха Арз.); ***Гуля́нышная дорога.*** *Она в лесу. – Эт дорога круговая, на Троицу по ней гуляли.* (Котиха Арз.); ***Гуля́нье.*** Луг. *Потом Гулянье есь луг: гуляли там.* (Личадеево Ард.); ***Гуля́щая долина. Красная гора.*** Холм. *Потому что там гуляли, были там праздники всегда. На Гулящей горе все игрища проходили. – Ее и Красной горой зовут. Ну как же! Праздники там справляли, весело́, красно́, хорошо было* (Новые Березники Д.-Конст.). То же темпоральное содержание имеют микротопонимы, образованные от названий (в том числе праздников), включающих в себя семы 'гулять', 'праздновать', которые подтверждаются дискурсно. Таковы: ***Массо́вка.*** Поляна. *Эт паляна в лесу. На праздники здесь праводятся массовы гулянья, а место это и называтся Массо́вкой.* (Сатис Перв.); ***Ма́слена.*** *Эт большая поляна, на ней праздновали Ма́слену, масленицу. На Ма́слену-ту все гуляют.* (Большие Печерки Шатк.); ***Пасха́льная гора.*** Холм. *На паску на эту гору хадили. Брали крашены иички и катали там, вот и называтся Пасхальна гара.* (Богдановка Шатк.); ***Тро́ицкая. Тро́ицкая око́лица.*** Улица. *Гуляли там на Троицу. Ну и про́звали Троицкой, улицу-то –*

Троицка аколица – эт улица у нас. (Новый Усад Арз.); ***Яри́лка.*** Холм. *Там в далёки времена люди молились Яриле, богу-солнцу. Щас на Яри́лку молодежь гулять ходют, на гору-ту на эту.* (Чулково Вач.).

В микротопонимах с темпоральной внутренней формой совмещаются пространственное и временное значения. В топонимических текстах это совмещение раскрывается полнее, объемнее. Мотивационные же тексты как единицы микротопонимического языкового пространства «разносят» микротопонимы по временным, историческим вехам, определяя каждый к той или иной вехе. Особенно наглядно это демонстрируют тексты-предания и легенды. Тем самым (микро)топонимия свидетельствует не просто о связи, а о нерасторжимости пространства и времени, то есть о хронотопе (М.М. Бахтин), а также о том, что в этой связке *пространство – время* доминирует пространство, географическое пространство, что естественно, поскольку задано в ней онтологически. Однако пространство определяет внешнее восприятие мира, время же – поиск, постижение внутренних связей явлений, реалий.

На шкале бытового времени три точки: точка присутствия объекта, социума; точка предшествования ей (предки) и точка следования (потомки). Идеи предшествования, присутствия и следования сопрягаются с идей включения преемственности: опыт предков проецируется на настоящее, встраивается в практику живущих и тех, кто будет жить. И это сопряжение является жизненно важным, необходимым как обеспечивающее жизнедеятельность последующих поколений, традиционность культуры социума и этноса, проявляющуюся в нашем случае в топонимическом фрагменте региональной ЯКМ. Динамический аспект (микро)топонимического пространства отражает тот факт, что микротопонимия, помещая человека в настоящее – актуальное настоящее, момент присутствия, момент *сейчас, теперь*, обращает его внимание к прошлому, к предкам, к их мнению и свидетельствам относительно номинации объекта, мотивации названия, событийности. Поэтому ключевыми темпоративами в текстах являются *раньше, преже, давно* и их семантические параллели как ориентиры на ретроспекцию, на ретроспективное осмысление номинации и мотивации, как ориентиры на прошлое, в том числе и отдаленное.

Временная проспекция носителями диалекта осознается в общем виде, как цепочка *до нас – при нас – после нас,* при актуализации этапа предшествования и минимальной, гипотетической экспликации этапа следования, что естественно, поскольку будущее скрыто. Поэтому осмысление будущего в микротопонимической системе предстает реже, эксплицируясь только в дискурсе. С будущим объективно связана судьба объекта и имени, в будущее направлена утрата названием внутренней формы, забвение событийного комплекса, мотивировочного признака, постепенное перемещение наименования из активной памяти жителей, а значит, на периферию лексической проприальной системы, в конечном счете – уход его из системы. Однако осознание этого происходит тоже на уровне этапа предшествования и актуального настоящего, на этапе же следования возможно лишь гипотетическое осмысление. Топонимия, топонимические тексты, в особенности мотиваци-

онные, проявляют авторитет предков. Именно обращение к мнению предков, их опыту способствует сохранению традиции, обеспечивает традиционность основ бытия, опираясь на которые идет и возможно движение вперед, на которых зиждется новизна. (Ср.: Арутюнова 1997).

В текстах к отантропонимным единицам фиксируется соотнесение объекта и человека. И здесь, помимо представления, характеризации объекта на событийном фоне, дается осмысление содержания жизни человека, его ценностных ориентиров. Эталоном является человек труда, компрессия, концентрация времени в труде: ***Мишанин проулок.*** *Тут проулком дорога идет, и сроду шла. Тут крайняй дом Мишани сроду был, дяди Миши Шмонина. Дядю Мишу помню: все время был в работе. Он не умел тихо-то ходить, все бегом, все бегом, старался везде поспеть, все успеть переделать, бывало, с косой ли, с вилами ли – чуть не вприпрыжку. Гоже оне с тетей Дуней-то жили, она у нево прям как барыня – жалел ие больно. – Да уж пороботал Мишаня, поломал за свою жизь-ту. А добрай какой был, сама доброта, безотказнай, смирнай Хорошай мужик был. Вот таке ба все люди-ти были, рай был ба на земле-ти. Да он, чай, в рай попал. Богу угодны таке люди-ти. – И сноха-та, Клавдя-та, досталась кака работяща· и в колхозе дояркой, и дома в огороде, на усаде, за скотиной, по дому – все мигом, все шеметом делат* (Селякино Арз.).

Следовательно, концепт *время,* являясь универсалией, содержит, тем не менее, представления этнического характера (качество жизни человека, его ценностные ориентиры, мировоззрение, отношение к природе, к труду, к людям и т.д.), а вербализация их в микротопонимии отражает, характеризует особенности идиоэтнической ЯКМ. Концепт *время* в региональной топонимии сопряжен с другими концептами, прежде всего – *пространство, человек*, проявляя этносоциохронотоп.

Третья глава – ***«Человек»*** – включает пять параграфов в соответствии с аспектами концепта: этнический аспект, социальный, гендерный, личностный (индивидуумный), коннотативный.

Этнический аспект в микротопонимии проявляется на уровне констатации присутствия, проживания в регионе в разные времена различных этносов – финно-угорских, тюркских, славян. Микротопонимия содержит информацию об этническом бытии, о современной и былой демографической картине региона. В значение микротопонимов входит этнокультурный компонент. (Ср.: Вежбицкая 1996; Солодуб 1997). Являясь русской по преимуществу, нижегородская микротопонимия Окско-Волжско-Сурского междуречья содержит мордовские (в основном эрзянские), марийские, татарские и синкретичные (в основном русско-мордовские), а также другие единицы. В целом их около 3%. Однако роль таких названий значительна. При этом доминируют мордовские единицы, существуя как на уровне тополексем, так и на уровне топоформантов, выступающих в качестве этнических индикаторов. Среди последних: *-лей* (от *лей* «овраг, речка»), *-лейка*, *-куша*, *-гуши* (от *кужо* «поляна»), географические термины: *лисьма* «колодец», *пандо* «гора, холм», *пря* «вершина, верхушка», *ки* «путь, дорога», *пе* «улица, конец», *веле* «дерев-

ня», *вирь* «лес», *мода* «земля», *эрьке* «озеро», *ош* «город», *дон* «устье реки», *помра* «роща», *латка, латко* «овраг», *телем* «зимница» и другие (см.: Серебренников 1965; ср.: Русинов 1994; Цыганкин 1971; и др.). Наиболее представленным является эрзянский детерминатив *-лей* (реже мокшанский *-ляй, -лай*). Микротопонимы с ними называют объекты разного характера, чаще же всего – овраги. Например: ***Вашле́й, Винеле́й, Кулафле́й, Камшле́й, Кормоле́й, Мавле́й, Макле́й, Замахле́й*** и мн. др.

Преддетерминативная часть в таких наименованиях – мордовские же единицы с различным содержанием, прежде всего, физико-географического, природного характера (***Кавлей*** – кев «камень», ***Пакселей*** – пакся «поле», ***Тумолей*** – тумо «дуб»), а также обозначения предметов, имеющих отношение к объекту; трудовых процессов, смежных объектов, признаков объектов; нарицательные или собственные имена лиц (***Изамолей*** – изамо «боронование, борона», ***Ошлей*** – ош «город», ***Вейсеньлей*** – вейсэнь «общий, совместный, ***Авалей*** – ава «женщина», «мать», ***Дарькалей*** – Дарька от Дарья).

Этническим показателем является тип притяжательных и относительных прилагательных с формантами – *-ань, -инь, -унь, -ень, -онь*, которые входят в состав двусловных микротопонимов в качестве зависимого компонента при географическом термине – мордовском или русском: ***Вася́нь пруд***. *Он окол Васькиного дома.* (Юморга Пильн.); ***Кузьми́чинь пруд***. *Кузьмич его рыл.* ***Олдо́киминь лисьма́*** – *Олдокимов колодец* (Пандас Перв.); ***Адольфу́нь мода́***. Поле – земля Адольфа (Пермеево Б.-Болд.).

Этнически значимы и образования с формантом *–(а)т*, имеющим в мотиванте значение множественного числа, преобразованное в микротопонимии в пространственное значение. ***Ёлкат***. Лес. *Там одне ёлки растут, сосны, вот и назвали Ёлкат.* (Кисленка Пильн.) – морд. ёлкат «елки»; ***Кавто́ порядкат***. Улица (Чиргуши Лук.) – два порядка; ***Азаня́т***. Место у речки Азанки. *Эт место такое у Азанки, у нашей речки.* (Пермеево Б.-Болд.).

В микротопонимии региона активен параллелизм единиц нерусских по происхождению и их русских калек и полукалек, типа: ***А́ло пе*** и ***Нижний конец***. Часть улицы. *Нижний канец и Ала пе называли, внизу был.* (Великий Враг Шатк.); ***Ве́ре Нерь*** и ***Верхний Клюв***. Луг (Юморга Пильн.); ***Кутузы́нь пруд*** и ***Кутузовский пруд*** (Кисленка Пильн.).

Вне параллелизма мордовские единицы в русской или русско-мордовской среде функционируют чаще как мотивированные. Отказ жителей от мотивации при подчеркивании «нерусскости» и традиционности названий, возможно, вскрывает их субстратный характер.

Заметны в регионе гидронимы (и вторичные единицы – ойконимы, оронимы) с конечными формантами *-ма, -са, -ша, -га, -ва*. На основе формантного метода изучения субстратной топонимии они также считаются финно-угорскими по происхождению со значением: *ма* «край, земля, территория», *са, ша, жа* «небольшая речка», *га* – из марийского энгер «река» (см.: Лыткин, Гуляев 1970, Поспелов 1970, Трубе 1962, Морохин 1997). Это признание подкрепляется и тем, что предформантные части более или менее легко и правдоподобно этимологизируются на мордовской, эрзянской почве.

Например: ***Ва́тьма***. Речка, приток р. Вадок (Вад, Холостой Майдан Вад.) – -вад-/-ват-/-ведь- «вода»; ***Ку́дьма***. Речка, приток р. Волги (Меньщиково Арз., Дальнее Константиново). Дол (Арапиха Д.-Конст.) – кудо «жилище», «дом»; ср.: ***Кала́дьма***. Улица (Поляна Перв.) – ЭРС: каладо «худой, рваный, изношенный», «ветхий, развалившийся», «сломанный, поломанный»; ***Ла́пша***. Речка, приток р. Сухой Сатис (Хирино Шатк.) – лап «низина»; ***Пе́кса***. Речка, приток р. Сережи (Звягино Вач.) – пекше «липа»; ***Урга́***. Река (Высокий Оселок Спас.) – ур «белка».

В севернорусских топонимах на *-га* (*-ега, -ога, -льга, -уга, -юга*) видят финно-угорский, прафинский по происхождению формант, восходящий к слову *joki* (в вариантах *joga, jaga, ju, jugan* и др.) «река» (Я.К. Грот, М.П. Веске, А.К. Матвеев, А.И. Попов и др.), в соответствии с селькупским *кы, гы* со значением «река» (А.П. Дульзон). Б.А. Серебренников относит их к древнейшей волго-окской топонимии (дофинской, субстратной). (См.: Симина 1962). *–Ньга* рассматривается как финно-угорский (М. Фасмер), прибалтийско-финский (Я. Калима, А.К. Матвеев, А.И. Попов), урало-алтайский (Г.М. Васильевич, А.Л. Шилов); *-ма* связывают с финским словом *маа* «земля», «край», «урочище» (М.А. Кастрен, Я.К. Грот), видят прибалтийско-финское его происхождение (Я. Калима) не гидронимической сущности. (См.: Симина 1962). М. Фасмер считал, что топонимы на *-ма* (как и *-хта, -гда, -кса, -кша*) не индоевропейские, но не истолковывал их и как финно-угорские.

Однако мнение о финно-угорском статусе названных финалей опровергается признанием гидронимов с ними в качестве наследия индоевропейцев-дославян, появление которых в Нижегородском Поволжье относят не позднее, чем к III тысячелетию до н.э. (См. об этом: Русинов 1994. Ср., однако: Жучкевич 1965). Мнения, аргументы в пользу этого мнения и вопреки ему (И.С. Галкин, Ф.И. Гордеев, А.К. Матвеев, В.А. Никонов, А.И. Попов, Б.А. Серебренников, А.И. Соболевский, В.Н. Топоров, О.Н. Трубачев и др.) даны в (Русинов 1994).

Мордовских-мокша по происхождению единиц в микротопонимии региона гораздо меньше, да и многие из них допускают параллельные этимологические интерпретации через эрзянские мотиванты.

Весьма скромное место в микротопонимии региона занимают единицы, созданные на основе марийских лексем. И это естественно, так как основное место обитания марийцев (черемисов) – Нижегородское Заволжье. Здесь много гидронимов и ойконимов (как вторичных единиц) с финалями *-нгер* (*-нер, -нерь, -гер*) из марийских *энгер* «речка» и *-нур* – «поле». (См.: Русинов 1994). В Правобережье же они обитали на небольшой территории в бассейне реки Озерки, притока реки Кудьмы (ближе к устью Оки). (Русинов 1994). Ср. однако, мнение о том, что марийцы жили во всей правобережной части Нижегородского Поволжья (Трубе 1962).

Заметны в микротопонимии тюркизмы. Некоторые исследователи предполагают, что древнейшим топонимическим пластом в Среднем Повол-

жье, а значит, и в нашем регионе, был именно булгарско-тюркский (Жучкевич 1965). Они не имеют ярких этнических индикаторов, функционируют на уровне тополексем с утраченной внутренней формой, типа: ***Каргала́***. Часть села (Бутурлино) – ср.: татарское карга «ворона»; ср.: Каргалы от др.-тюрк. карга «валун, нагромождение валунов» (Мурзаев 1984); ***Башма́й***. Озеро (Звягино Вач.) – ТРС: баш «голова», «вершина», «верхушка, верх», «верховье, исток, начало»; ***Са́кма***. Дорога (Дубенское Вад.), ***Са́кма́***. Дорога (Булдаково Арз.) – сакма, сокма «тропа, дорожка, бечевник; брод через болото; следы зверей» (Поволжье, Приуралье); в Западной Сибири – проторенные скотопрогонные пути; возможно, из тюрк. казах. (Мурзаев 1984).

В сознании жителей четко отпечатался факт противостояния русских и татар в крае в связи с татаро-монгольским нашествием: ***Се́ча***. Место в лесу. *В этим месте был больно сильный бой русских с татарами, секлись тут, значит, больно. Место-то это щас вырубили.* (Верхнее Талызино Сеч.); ***Шиха́н***. Лес. *Когда битва с татарами была, в этом лесу хана Шеиха убили, и лес назвали Шихан.* (Толба Серг.); ***Ма́лые Ю́рты***. Лес. *Это названье с татарами связано: стаянки тут у них были, юрты.* (Смирново Шатк.).

В конце средневековья в крае появились белорусы, поляки (по-местному, паны, будаки, бутаки, ляхи) – польско-литовские воины, плененные русскими в ходе войн Московского государства с Польско-Литовским (16-17 вв.) и поселенные в Нижегородском Поволжье (см. об этом: Русинов 1994), украинцы. Об этой странице в жизни края свидетельствуют названия от *майдан* «место занятия поташным производством» – слова, принесенного белорусами вместе с самим поташным производством. (См.: Трубе 1970; 1979, ср.: Ухмылина 1969). По происхождению это – тюркизм, слово, признанное удивительным «по ареалу и мощности семантического пучка» (Мурзаев 1984). По свидетельству Л.Л. Трубе (1979), «*майдан* – арабское слово, вошедшее в русский язык через тюркский и обозначающее *место, площадь* (в поселениях на юге страны этим словом называют базарные площади)». На русской почве, в русском диалектном языке оно расширило свое значение и получило большое распространение, является действительно удивительным даже только по производственной семантике и ее ареалу: майда́н «место, площадка для выгонки дегтя, производства поташа и др., лесная смолокурня». Арх. Беломор. Олон. Волог. Урал. Пенз. Симб. Тамб. Ворон. Орл. Брян. Амур.; «выжженное место в лесу, где курят смолу». Волог.; «земляная яма с очагом для выгонки дёгтя; смолокуренная яма». Олон. Арх. Брян. Калуж.; «смолокуренный, поташный или дегтярный завод». Калуж. Тамб. (СРНГ. Вып. 17). Интересно, что в этом перечне говоров отсутствуют нижегородские.

Есть единицы с корнями *-лях-/-ляш-, -пан-*, образования от хоронимов и этнонимов: *Литва, Польша, латыши, мордва, эрзя, мокша, терюхане, татары, черемисы, чуваши, цыгане*. Отэтнонимные единицы отражают по закону относительной негативности факт проживания представителей различных этносов среди русских, как это сложилось после феодальной колонизации края.

В целом единицы рассмотренного компонента региональной ЯКМ выражают этнохронотоп.

В микротопонимии, в обоих ее компонентах – статическом (языковая система) и динамическом (дискурс, речевая деятельность и ее результат – тексты) – отражается аспект социального бытия языка. Микротопонимы фиксируют отношение того или иного объекта к лицу как представителю определенного социума внутри коллектива жителей населенного пункта и вне его. Микротопонимические комплексы включают в свой состав соответствующий апеллятивный материал: *богач, бедняк, батрак, бобыль, крестьянин* (*крестьяне*), *лесник, лесничий, барин, барыня, помещик, помещица, купец, господа, князь, княгиня, граф, графиня, царь, царица, губернатор, управляющий, казак(и), кулак(и), кучер, ямщик(и), поп, монах(и), монашки, стрельцы, солдат(ы), воины, гусар, улан, арендатор, председатель, начальник* и др. Все эти и другие подобные единицы входят в дискурсный компонент микротопонимических комплексов. Определенная часть их является исходной базой для самих микротопонимов. Вот некоторые примеры таковых: ***Батра́к***. Лес (Дубское Перев.); ***Бобы́ль***. Место в лесу (Архангельское Шатк.); ***Кулацкий овраг*** (Юморга Пильн.); ***Казачий пруд*** (Беговатово Арз.); ***Казачья слобода, Стрелецкая слобода***. Улицы. *Есь в селе слобода Казачья. А называтся так, потому что каза́ки в этой слободе стояли Есь слобода Стреле́цка, она на краю села Стрелецкай полк там был, вот, и прозвали.* (Курмыш Пильн.); ***Ямска́я***. Овраг (Суворово Див.); ***Пастуши́ха***. Овраг (Березовка Ард.) и мн. др.

Осуществляется в микротопонимии выход и в более широкое социальное пространство: ее единицы дают представление о социальной, сословной структуре общества в целом, о государственном устройстве. Таковы: ***Гра́фские***. Часть села. *Граф жил.* (Круглые Паны Див.); ***Князев конец***. Улица. *Какой-то князь здесь раньше жил.* (Михеевка Ард.); ***Царёва Чищо́ба***. Овраг. *Были царские земли, вот и назвали Царевой Чищо́бой.* (Рогановка Серг.) и др. Значителен фрагмент микротопонимии, включающий единицы с корнем *-бар-*, компонентом *барский* (*-ая, -ое, -ие*). Лексема *барский* (в разных формах рода и числа) сама по себе и в составе бинарных номинант относится к числу частотных в составе микротопонимии. (См.: Климкова 1996; 2006, I).

Апеллятивы *барин, барыня*, а также *помещик, помещица* являются очень активными, широко представленными в дискурсном компоненте микротопонимических комплексов. Сами же микротопонимы в этом случае имеют и отантропонимный характер. Например: ***А́нников луг***. Луг. *Раньше этим лугом барин владел, А́нников* [Анненков]. *Бога́тый он был.* (Озерки Шатк.); ***Бажéниха***. Улица. *Жил раньше тут помещик Баженин, в чесь ево и назвали эту улицу.* (Кардавиль Шатк.); ***Бажéновка***. Лес. *Лес этот имела помещица Баженова.* ***Бажéново поле***. *Это поле входило во владения помещицы Баженовой.* (Понетаевка Шатк.).

Барская жизнь предстает с ее классическими для русской жизни атрибутами: ***Опса́рна***. Луг. *Говорят, тут барин собак гулять выпускал. Вот и появился луг Опса́рна.* (Троицкое II Вад.); ***Лакéевка***. Лес. *Видно, лакей был,*

вот и Лакеевка. (Малиновка Б.-Болд.); ***Вольная. Вольные.*** Улица. *Мы биз барыни жили, вольны, вот и улицу празвали Вольна. – Их барин атпустил на свабоду, первым вольну падписал, и щас сё Вольны завем.* (Лопатино Лук.). В дискурсном проприальном компоненте и в самих отантропонимных единицах отражены явления, мотивы проигрыша в карты, обмена на собак целых поместий, сел и деревень; барского самодурства, жестокости по отношению к крепостным крестьянам; выселения, отселения, наказания их за провинность. См. некоторые текстовые свидетельства: ***Караулиха.*** Лес. *Барскай был этот лес, караулили там, боялись в него ходить-то: захлещут плёткамн: барин-то басурман был.* (Долгое Поле Спас.); ***Паняй.*** Поле. *Место это принадлежало барыне. У ней был управляющий. Он паганял рабочих плёткой, изабьет их, бывало.* (Нехорошево Лук).

Значительный объем имеет фрагмент микротопонимического пространства, представляющий социум церковнослужителей. В него входят единицы типа: ***Дьяконово болото.*** *Там земля дьяконова была, ему принадлежала.* (Мотовилово Арз.); ***Дьячково.*** Лес. *Дьяк там косил.* (Сосновка Ард.); ***Церковная земля.*** Поле (Неверово Лук.); ***Попов пруд.*** *Рядом с этим прудом да ривалюции поп жил, патаму и Папов пруд. Патом этат поп куды-то прапал.* (Неверово Лук.); ***Игуменский лес.*** Лес. *Он принадлежал игуменье монастыря.* (Понетаевка Шатк.).

Отражен в микротопонимии и церковный раскол, в частности, такими единицами, как: ***Керженка.*** Улица. *Говорят, староверы жили.* (Красное Арз.) – СРНГ. Вып 13: кержанка «старообрядка, раскольница». Сиб. Урал. Перм.; ***Кулугурский лес.*** *А в Кулугурском-то лесу кулугурцы жили.* (Кержемок Шатк.) – СРНГ. Вып. 16: кулугур «старовер». Симб. Сарат. Курск. Пенз.; ***Староверки. Сталоверкина вершина.*** Овраг. *На этой земле женщина жила Иё староверкой звали. – Там сталоверы жили.* (Круглово Ард.).

К микротопонимам с социальным, социумным звучанием примыкают те, что соотносительны с апеллятивом *разбойник(и)*, его параллелями морально-этического, оценочного содержания *жулики, грабители, воры*, с действиями *грабить, воровать, убивать* и под. Таковы: ***Разбойничья гора.*** Холм. *В долу она, гора-то Разбойничья. Батенька, бывало, сказывал: здесь разбойники, слышь, были раньше-то. – Раньше там дорога была, по лесу шла, а кто ехал с базару, тех грабили. Вот и Разбойничья.* (Мокрый Майдан Серг.).

Выход микротопонимии в сферу социально-экономических отношений на государственном уровне знаменуют собой единицы, в целом отражающие характер землевладения, в частности наличие, соотношение секторов: частный (барский, помещичий, церковный, монастырский) и государственный (удельный, казенный). В микротопонимии зафиксировано противопоставление этих секторов: ***Барщина.*** Улица. *Раньше эту улицу Барщина звали Барщину утробатывали раньше. На барина ходили работать.* (Селякино Арз.); ***Удельный просек.*** Лес. (Шутилово Перв.), ***Удельный лес.*** *Удельнай лес был не барскай.* (Зобово Ард.).

Широкую представленность в регионе имеют микротопонимы от лексемы *казенный* «государственный». Спроецированное на микротопонимический компонент *Казенный* значение «общий» сближает соответствующие единицы с теми, что возникли на базе лексемы *мирской* (в микротопонимии и *мирский*). Комплексы с *Казенный* и *Мирской* (*Мирский*) сохраняют свидетельства, следы общинного уклада сельской жизни, сельской, русской соборности. В этот же блок входят и микротопонимы с компонентами от лексем *местный* – одно из значений «общий, общинный, артельный». Пск. Арх. Волог. Сев.-Двин. Олон. КАССР. Калин. Новг. Ульян. Перм. Краснояр. (СРНГ. Вып 18), *общий, наш, свой.*

Единицы топонимического пространства отразили вековое желание, стремление крестьянина иметь свою землю, земельный надел – источник жизни и благополучия, и в связи с этим – драматические, трагические страницы в достижении мечты о своей земле, борьбу за нее, захват, передел. См. примеры: ***Спорное.*** Луг. *Он, луг-ат, у Вол.-Майдана. На этим лугу волмайданьски дрались с Салалеями, это соседнее село, за землю-ту спорили, чей этот луг Спорна, убийства были даже.* (Чернуха Арз.); ***Спорный враг.*** Овраг. *Када луга дилили, двоя паспорили и адин убил другого. Так и назвали Спорный враг.* (Скородумовка Лук.).

Через всю микротопонимию региона проходит семантическая оппозиция *богатый – бедный.* Сами эти лексемы в микротопонимической номенклатуре используются довольно редко. Гораздо чаще употребляются непроприальные *бедный – богатый* в текстах, причем в основных общеязыковых значениях. Имущественное положение *бедный, бедняк* передается микротопонимами, созданными на базе обозначений однотипных с *бедный* признаков, явлений, реалий, определяющих это положение или сопутствующих ему, вроде *голый, голод, келья* (*килья*).

Многочисленны микротопонимы, называющие места, связанные с трудовой деятельностью населения. Они включают в себя компоненты, образованные от наименований самих хозяйственных занятий, рода деятельности, ремесел, а также предметов как результата хозяйственной деятельности или сопутствующих ей. Прежде всего сюда относятся единицы, отражающие сельскохозяйственные процессы: сенокос, молотьбу, обработку льна, конопли и т.д., а также промыслы и ремесла (добыча торфа, производство кирпича для строительства церкви, гончарное дело, винокурение и др.). Объемный фрагмент микротопонимического пространства свидетельствует о повсеместном в регионе занятии бортничеством (в давние времена), пчеловодством. Многочисленные названия этого типа связаны с апеллятивами *пчельник, пасека, мед.* Микротопонимы законсервировали информацию о разных промыслах, связанных с лесом, поскольку издревле регион был территорией сплошных лесов. Жители занимались бондарным, мочальным делом: драли лыко, луб, мочили его в водоемах, сушили, затем получали мочало (*мочалы*), изготовляли веревки, канаты, из лыка плели лапти, из луба, бересты, лучины делали короба, кошели, посуду – туеса, жбаны, бураки; парили и гнули дуги, полозья; изготовляли сани, дроги, телеги, кадки, бочки, лохани и проч. (Об

отражении этих промыслов в ойконимии края см.: Трубе 1979). В микротопонимии сохранены свидетельства существования производств, значение которых выходило за рамки региона. Это поташное производство, смолокурение, производство дегтя.

Таким образом, микротопонимия дает сведения не только социального, социально-экономического, но и историко-экономического, а также историко-географического характера. Единицы, входящие в данный компонент микротопонимии, выполняют функцию социохронотопа.

К социальному примыкает гендерный аспект. Антропоцентрический подход к исследованию языка и речевой коммуникации вывел науку последней четверти XX века на гендер – изучение использования, различения языка-речи в зависимости от пола, при этом имеется в виду пол как явление социальное. В рамках гендера различают фемининность и маскулинность (проще говоря: женственность и мужественность) и приписывают им статус концептов (концепты *женщина* и *мужчина*).

Окско-волжско-сурская микротопонимия имеет гендерный аспект отражения. Он проявляется по-разному в разных структурных компонентах системы. В отапеллятивном статическом компоненте гендер реализован в единицах, отражающих возраст, с основами слов *дед(ушк)а – баб(ушк)а*, причем примерно в равных долях, *дев(к)а* – преимущественно в обозначениях мест проведения досуга. Пол отражен в единицах с корнями *-баб-*, *-муж-*, причем со значительным перевесом первых. Ими обозначаются места купания, ориентированно женского труда (сбор ягод, стирка и др.), смежные объекты с местом проживания, а также объекты другого типа. Есть обозначения по каким-то происшествиям, а также названия-тропы. Образования с корнем *-муж-* немногочисленны: ***Мужи́ча***. Место на реке Озерке. *Глубоко было, дна не достать, мужики там только купались*. (Озерки Шатк.); ***Мужи́чье***. Место на реке Кишме. *Мужики после сенокоса купаться туда ходили, оттого и зовут Мужичье*. (Рыбино Павл.); ***Мужни́ца***. Ручей. Урочище (Архангельское Шатк.).

Причина выявленного перевеса таких «женских» названий заключается, по-видимому, в предпочтении других средств выражения маскулинности, в частности эпонимов, а также в доминировании в связях с пространственными объектами в жизни села все-таки мужского труда, на фоне которого и выделяется женский труд и места его приложения (по закону относительной негативности).

Этнические, социальные, социумно ориентированные отапеллятивные микротопонимы имеют отчетливо маскулинный характер: производящая база их – обозначения мужчин как представителей этносов, социумов. Обозначения женщин задействованы мало: *графиня, барыня, монашка*.

Отантропонимный компонент микротопонимии, доминирующий в региональной системе, в целом имеет преимущественно маскулинный характер. Все объекты, сопряженные с тяжелым физическим трудом, назывались, названы мужскими антропонимами. Вся хозяйственная деятельность по освоению объектов пространства связана с мужчиной как главой семьи, и это

отражается в присвоении объекту его имени. Значение принадлежности объекта также оформляется названиями от мужских антропонимов, что отражало законодательную, юридическую базу, существовавшую в государстве. Только в неординарных случаях, например, при отсутствии мужчины, главы семьи, или при подчеркивании факта наследования, дарения, купли объект именовался единицей от женского антропонима.

Наряду с маскулинностью широко представлена фемининность при выражении отношений смежности или событийности.

Экспликация отношений смежности, хозяйственной эксплуатации, посессивности, квантитативности связана и с гендерно нейтральным, гендерно не маркированным компонентом, точнее – гендерно совмещенным. В этом случае микротопонимы являются образованиями от фамилий, официальных или неофициальных (уличных), с реализацией значения «семья», «родственники», «однофамильцы». Этот компонент в нашей системе является объемным. Например: ***Ра́тников пруд.*** *Рядом Ратниковы живут.* (Балахониха Арз.); ***Шуру́ева земля.*** Поле. *Шуруевы пе́рвы эту землю распахали.* (Александровский Шатк.); ***Чудко́в просе́к.*** Просека. *Чудковы ево чистили, так и зовут Чудковым.* (Вилейка Сосн.); ***Ла́рины Се́чи.*** Овраг. *Касили там раньше Ларины, ну паэтому и звали Ла́рины Сеци.* (Мотызлей Воз.) и мн. др.

В дискурсном компоненте микротопонимических комплексов проявляется, подтверждается гендерный характер самих единиц – вершин комплексов. Здесь происходит соотнесение микротопонима с мотивантом – онимом или апеллятивом. См.: ***Прика́зчиков луг.*** *Луг этот раньше* ***приказчику*** *принадлежал, так вот и осталось это названье Приказчиков луг.* (Тенекаево Пильн.); ***Охо́тничий кордо́н.*** *Всегда там* ***ахотников*** *много, часто выстрелы слышно, вот и привыкли так называть· Ахотничий кардон.* (Большой Макателем Перв.). При мотивирующих онимах в текстах употребляются гендерно окрашенные апеллятивы, проявляющие одновременно и этническую, социальную, социумную сущность лиц. Например: ***Тимо́нин исто́к.*** Овраг. ***Богатай мужик*** *был Тимоня, его потом в Сибирь сослали. А зовут овраг Тимо́нин исток.* (Хрипуново Ард.).

Своеобразно эксплицируется гендерный аспект в микротопонимических комплексах с немотивированными единицами. В этом случае в дискурсе номинатор часто предстает гендерно нейтральным или совмещенным: *старики* (это и мужчины, и женщины), *старые люди, старинные люди, старина* (назвала), даже *деды-прадеды, отцы-матеря* и под. В дискурсе частотнее, типичнее обобщенное *старики* или *дедушки, отцы и деды*, нежели маркированные *матеря сказывали, от баушек пошло* и под.

При значительном объеме фемининного компонента и еще более значительном – гендерно совмещенного в микротопонимии нашего региона силён маскулинный компонент. Отражение фемининности здесь носит подчиненный характер. И в целом микротопонимия носит преимущественно андроцентрический характер, причем в микротопонимической системе нашего региона как фрагменте русской ЯКМ степень андроцентризма высока. Обусловлено это, конечно, ролью мужчины как хозяина, главы семьи, изначаль-

но активной, ведущей ролью именно мужчины в сельскохозяйственном освоении пространства (подсечное земледелие, в частности), в его хозяйственной, промысловой эксплуатации: пахари, сеяльщики, косари (косцы), пастухи, лесники, лесорубы, охотники, рыболовы, плотники, печники, столяры, ездовые, еще раньше – углежоги, смолокуры, ямщики, кузнецы и т.д. Здесь же следует назвать служителей культа.

Гендерный аспект рассмотрен нами в плане отражения его в самих единицах, микротопонимических комплексах. Однако он представляет интерес в эпистемическом и мнемическом планах (то есть в плане знания и сохранения в памяти носителей языка), а также в плане количественной представленности в речи. Так, названия участков леса лучше знают, помнят, чаще употребляют лесники, бывшие лесники; названия лесов, болот – охотники; озёр, мест на реке – рыболовы; ягодных и грибных мест – женщины; и т.д.

В целом в микротопонимии этническое и социальное сопрягаются с хронотопом и таким образом создается этносоциохронотоп.

Человек как индивидуум, как личность оставил свой след в микротопонимии, прежде всего, в отэпонимических образованиях – подчеркнутая, актуализованная (акцентированная) антропоцентричность системы. Таких единиц в нашей микротопонимии примерно в 3,5 раза больше, чем всех остальных. В них зафиксировано отношение к объекту лица, названного фамилией, личным именем, прозвищем, отчеством.

В микротопонимии зафиксированы события индивидуальной жизни по отношению к объекту, но получающие социальное звучание в пределах населенного пункта, значимость для жизни коллектива. Эти отношения, поданные через наименования человека, укладываются в рамки нескольких типов: 1) хозяйственная, трудовая деятельность; 2) смежность; 3) принадлежность; 4) экстремальные ситуации.

Подача, передача соответствующих событий частной, личной жизни члена коллектива, конкретное наполнение соответствующего эпизода жизни осуществляется в дискурсе.

Из всех названных типов отношений доминирует первый, то есть отражение человека труда. При этом характер хозяйственной, трудовой деятельности, фиксируемой микротопонимическими комплексами, определяется родом объекта. Так, *пруд, колодец, родник* предполагают такие действия, как: *копал, рыл, запрудил, углубил, нашел, поставил* (струб, струбец), *сделал, ухаживал, следил, наблюдал, убирал* и под.; *дорога, тропа – проложил, протоптал, проторил, проделал; луг, дол – расчистил, косил; поле – разрабатывал; лес – корчевал, разрабатывал, выпиливал, чистил, чистил чащобу, валил, рубил, охранял; мост – строил, делал; сад – (по)садил*; и т.д. Например: ***Евдо́нов родник.*** *Родник этот вырыл Евдо́н, что с соседней диревни.* (Бараново Сосн.); ***Киселёв пруд.*** *Киселёв – это был огроном один, и он этот пруд копал. От него некто́ не ждал этого. Удивил всех.* (Малая Поляна Лук.).

Сообщая о делах людей, дискурсный компонент отэпонимического комплекса дает сведения о социальном статусе лица, о его имущественном (материальном) положении (чаще *богатый*), возрасте. Например: ***Илейкино.***

Лес. ***Лесник** такой был, Илья его звали, он охранял этот лес. Сцас он уж умер, а лес этот Илейкино зовут.* (Урвань Ард.); ***Захарёнков луг.** Был у нас **пастух**, Захаренком звали. Он всегда на этим лугу коров пас. Луг и стали Захаренковым звать.* (Измайловка Ард.).

Через объемный антропонимный блок внутри микротопонимии оформляется, раскрывается значительная по диапазону – интерактивному, пространственному, временному – страница частного, единоличного землепользования, помещичьего землевладения. При этом все типы отношений (интерактивность, посессивность и др.) также раскрываются в дискурсе. Например: ***Именькин Сад.*** Место в лесу. *Раньше там был сад, владел им Именькин.* (Красный Бор Шатк.); ***Матвеева вершина.*** Дол. *Давно это ище было: тама раньше зимля Матвею, багатому мужику, принадлежала.* (Богдановка Шатк.); ***Татушный пруд.*** *Хозяину была фамилия Татушин. У него завод был. Там глину мяли, отсюда и назвали Татушный пруд.* (Михеевка Ард.).

Сильным параметром микротопонимии отэпонимного характера является смежность. В этом случае фиксируется проживание соответствующего лица (лиц) на самом объекте или вблизи называемого (названного) объекта, причем пространственные отношения разные. Объект может находиться: у дома, за домом, сзади, на задах, прям у, около (окол, окли, околь), мимо, вдоль (доль), рядом (рядышком, рядком), напротив (против, спроть, супра, супротив), возле, близь, недалеко от, в соседях, человек проживает: на, в, на углу (улицы), у (оврага, колодца), на конце, на краю, с краю, недалеко и т.д. Например: ***Марьин угол.*** Лес. *Там жила Марья как отшельница. Да и лес похож на угол.* (Малиновка Ард.); ***Жуково болото.*** *Тут на углу какой-то Жуков жил, вот и Жуково болото.* (Липовка Ард.); ***Зайцов колодец.*** *Мужик Зайцов жил у того колодца, вот и прозвали Зайцов колодец.* (Михеевка Ард.).

В микротопонимических системах сохранена память о первопоселенцах. Например: ***Китаевка.*** Деревня. *Китаевка па прозвищу первого пасиленца Китая.* (Бахтызино Воз.); ***Лирионовка.*** Улица. *Ларион Бакулин был дедушка, основатель улицы, вот и зовут Ларионовка.* (Чернуха Арз.).

Значительный блок названий обусловлен в своем появлении памятными событиями в жизни села, экстремальными, драматическими или трагическими случаями: кто-то погиб, утонул, утопился, умер, замёрз; кого-то убили, засосало в болоте и т.д., то есть «*приключилось какое-то недоровьё*» с людьми или скотом; или, может быть, напротив, кто-то исцелился, выздоровел, нашел родник, клад и т.д. Народная память сохраняет имена, фамилии тех односельчан, с которыми произошли какие-то события, в дискурсе же раскрывается их суть. Часто в памяти системы остается само событие, связь названия с этим событием, а человека, чьим именем назван объект, уже не помнят или не все помнят. И тогда в дискурсе проявляется неопределенность (*какой-то*), предположительность (*может*), а также отсылка к памяти, к мнению старших, предков (*говорят*). См.: ***Васильев враг.*** Овраг. *Василия какого-то там убили, вот и зовут Васильев враг.* (Большие Печерки Шатк.); ***Ерёмин колодец.*** *Какой-то Ерёма искал клад, а нашел воду, искупался и выздоровел.* (Кистенево Б.-Болд.).

События, дела, поступки людей приводят к отмеченности объектов, точек пространства, на которых, рядом с которыми, по отношению к которым, в связи с которыми они совершаются, где проходит трудовая жизнь людей, тем самым они остаются в коллективной памяти – мнемический аспект. (См.: Коковина 2003). При этом фрагменты, эпизоды частной жизни имеют общественное, социальное звучание (в пределах населенного пункта).

В анализируемом фрагменте микротопонимии отэпонимического характера сосредоточена память о людях ушедших поколений, старшего поколения, оставивших свой след на земле. Объекты называются, названы в честь людей, причем более всего ценится (потому и отмечается) человек труда, человек как заботливый хозяин земли, рачительный землепользователь, любящий и оберегающий свой надел, свой клочок земли. В результате такие имена, микротопонимические комплексы выполняют своеобразную мемориальную функцию, а на событийность (интерактивность, смежность, посессивность) накладывается мемориальность. Правда, эта мемориальность внутримикросистемная, узколокальная, существующая, однако, проявляющаяся вкупе, наряду с другими ее видами.

Границы мемориальности расширяются, если известность о лицах, их деяниях, связанных с ними событиях выходит за рамки одного населенного пункта или нескольких смежных и имеет диапазон в пределах всего региона – Арзамасского края, юга Нижегородской области, Окско-Волжско-Сурского междуречья. (См. о разбойнике Кудеяре, разбойнице Наталье). Наша топонимия содержит информацию (или только упоминание) об известных людях отечества, живших, побывавших в регионе: о *Пушкине* (множество названий в Большеболдинском районе, в Большом Болдине и его окрестностях); о *Карамзине* (Первомайский район); о *протопопе Аввакуме* (Большемурашкинский район, с. Григорово); об *Иване Грозном*, *Емельяне Пугачеве*, о *Степане Разине* (повсеместно) и других. О их пребывании в нашем крае бытуют многочисленные предания и легенды. [См.: Климкова 2005].

Региональная мемориальность в микротопонимии перерастает в этническую, национальную, если система хранит память о лицах, известных всему этносу, всей стране и даже за ее пределами. Это как раз относится к выше названным лицам. Так, например, большая количественная представленность единиц, связанных с именем Ивана Грозного, подтверждает значимость его политики создания, укрепления централизованного государства, расширения его границ, в том числе за счет Арзамасского края, завоевания и присоединения Казанского ханства, значимость соответствующих событий в жизни региона и страны в целом.

Назначение микротопонима состоит в том, чтобы точно обозначить объект, выделив его из ряда однородных и тем самым отличив его от других. Выражение отношения говорящего коллектива к объекту является вторичным, наслаивающимся на основную функцию, хотя и важным в плане проявления субъективного, личностного.

Микротопонимия входит в язык повседневности, а «...повседневная речевая практика в основном оперирирует информативным функциональным

регистром» (Яковлева 1994). Микротопонимическому пространству свойственна информативность ландшафтного характера, прежде всего о рельефе, и проявляется она в текстах констатирующего характера: о существовании, наличии, нахождении объекта, о его характере, о пребывании на объекте, о движении к нему или от него. Тем не менее микротопонимия проявляет и функциональный регистр изобразительности, причем как в самих единицах, так и в микротопонимических текстах, особенно ярко реализующийся в мотивационных текстах-развернутых пропозициях, особенно в текстах-преданиях и легендах. Этот регистр связан с коннотативностью, в которой наиболее ярко проявляется личностный аспект восприятия и употребления имени. Коннотативность – наличие в имени коннотации как сложного комплекса созначений – экспрессивных (по шкале *много-мало*), эмотивных (положительных – отрицательных со всей гаммой их конкретных значений), аксиологических (по шкале *хорошо-плохо*) и других. (См.: Телия 1986).

К коннотативным семам, экспрессемам, относятся пространственные, темпоральные и кванторные: 'дальность', 'удаленность', 'длительность' (существования названия и его денотата); 'интенсивность' (использования); 'протяженность' (в пространстве и во времени); 'множественность' (большое количество или совокупность).

Безусловно коннотативны мотивированные микротопонимы, мотивированность которых осознается и раскрывается говорящими. Такие единицы выражают ассоциативно-образное представление об объекте. Однако они тоже неоднородны. Высокую степень коннотативности, выразительности имеют те единицы, что содержат в своем значении сему 'как', то есть метафорические, типа: ***Корытечко.*** Место на реке Урге. *На корыто оно похоже, вот и Корытичко.* (Красный Ватрас Спас.); ***Ушко.*** Бугор. *Атдельнай он ат аврагов Вот Ушко и назвали па-старинному.* (Мамлейка Сеч.). Здесь в плане выразительности особо выделяются микротопонимы, возникшие в результате вторичной проприальной номинации, типа: ***Шанхай.*** Часть поселка. *Домов там мало, а народу, как пчел в улье.* (Макарьево Лыск.).

Очень выразительны также микротопонимы, созданные на базе коннотативных же апеллятивов. Здесь коннотативность микротопонима сопряжена с рациональной окраской апеллятива, а текст вскрывает эту сопряженность. См. факты: ***Чахлиха.*** Ручей. *Ды место-то уж там больно чахло, болотисто, вода вонюча да красна текет.* (Вилейка Сосн.). Особенно ярка она в случае с адъективами-эпитетами: ***Чудесный лес.*** *Там у нас уж больно красиво место: березы, сосны как свечки.* (Белозерье Арз.); ***Любимое.*** Место на реке Теше. *Любимое – эт само хорошо место на Теше.* (Личадеево Ард.).

Своеобразно выражается коннотативность в отэпонимических микротопонимах, в частности от имен-гипокористик и прозвищ. Здесь происходит проецирование окраски антропонима на микротопоним: передается отношение не столько к объекту, сколько к лицу, связанному как-то с этим объектом. Такую, спроецированную, эмотивность как составляющую коннотативности имеют единицы, типа: ***Марьюшка.*** Ручей. *Здесь просто авраг, а дальше Марьюшка. Па Марьюшке какой-то.* (Лихачи Див.); ***Пелагеюшкин пруд.***

Пелогеюшкин пруд: Пелогеюшка там жила, около нёво-то, так и прозвали (Котиха Арз.).

Относительно мотивированных, не имеющих специальных средств выражения коннотативности (ни корневых, ни аффиксальных), и немотивированных единиц основными показателями являются элементы дискурса. В этом случае сами микротопонимы не окрашены, коннотация же включается в суждения об объекте и его названии. Например: ***Догины.*** Болотистая местность. *Догины – вот там гора и болотьи* ***страшенны.*** (Никольское Арз.); ***Панзелка.*** Место в лесу. *Летом мы на Панзелке атдыхали.* ***Красиво*** *место, просто* ***живописно не знай како.*** (Лукоянов).

Передается коннотативность и невербальными средствами: жестами разного характера (указательными, изобразительными и др.), телодвижениями, мимикой, улыбкой, смешком, смехом и т.д.

Коннотативность как макрокомпонент значения, как единство прежде всего трех компонентов (экспрессивного, эмоционального, аксиологического) создается и выражается во всем микротопонимическом комплексе, в котором микротопоним – сигнал предтекстов, передающих опыт номинации, оценок. При этом типичным является так называемое «согласование в представлении» (А.А. Потебня): элементы дискурса по характеру и средствам выражения коннотативности соответствуют самой микротопонимической единице. Это явление вписывается в целом в явление «семантического согласования в речи». (Языковая номинация 1977). Например: ***Тоненький вражек.*** Овраг. *Он* ***тоненький*** *пратянулся да* ***узенький.*** *Вот и назвали* (Кошкарово Серг.).

Следует различать микротопонимическую коннотативность внутри системы и вне её – для представителя иносистемы. Внутри микросистемы коннотативность является частью значения единиц и для диалектоносителя естественна, сама собой разумеется.

Вне системы основным является воздействие имени и текста на носителя иносистемы, в частности на исследователя. Ср. мнение: основная функция коннотации – «...функция воздействия, непосредственно и неразрывно связанная с прагматикой речи» (Телия 1986). Помимо единиц рассмотренных типов коннотативности, большой силой воздействия на инопредставителя обладают необычно, регионально оформленные, а также с неассоциируемым внешним обликом. И в том, и в другом случае необычность и создает экспрессивный эффект. См.: ***Мизина.*** Урочище. *Перед Навашиным есть Мизина, там поезд останавливается или притормаживает.* (Навашино); ***Яцасы.*** Луг. *Почему зовут Яцасы, не знам.* (Кирилловка Спас.); ***Шишкаморва.*** Лес. *В Шишкаморве ни грибов, ни ягод. Не знай, что ана так названа.* (Чапары Шатк.).

Изобразительный регистр функционирования микротопонимов связан, в частности, с явлением языкового регресса (Т.С. Коготкова, Ф.Л. Скитова): в пожилом возрасте, в старости говорящий, бывший член сельского языкового коллектива, бывший диалектоноситель, возвращается к своим языковым истокам, в его памяти, речевом употреблении активизируются единицы микро-

топонимического пространства как репрезентанты былого, минувшего. Употребление их всегда окрашено лиризмом, всегда эмоционально, и тем самым проявляется названный выше функциональный регистр изобразительности. В таком случае актуализируются аксиосемы 'хорошо', 'лучше'. Микротопонимы предстают доминантами текста, связанными с воспоминаниями, это ключевые слова, опорные сигналы воспоминаний, всегда лиричных, сентиментальных, несущих мощный коннотативный заряд.

Таким образом, микротопонимия подтверждает тезис о том, что вне человека, без человека нет языка, языковой картины мира. В микротопонимическом фрагменте ЯКМ непосредственно отражается, закрепляется и актуализируется вся жизнедеятельность человека, вся его культура (в широком понимании), вся система его ценностных установок и ориентиров, – актуализованная антропоцентричность системы.

Четвертая глава – ***«Число. Сакральность»*** – состоит из двух параграфов в соответствии с названными концептами.

Количество, счет является одним из параметров освоения мира человеком, составляет его жизненную необходимость, связан с ориентацией в пространстве, в мире, имеет отношение «к формированию ценностного видения мира» (Вендина 1998). «Числовой ряд является важнейшей когнитивной матрицей, регулирующей жизнь человека и ту систему ценностей, которая ее организует» (Арутюнова 1997; ср.: Булыгина, Шмелев 1988).

Кванторы, как и пространство, признаются одним из элементарных семантических смыслов, или семантических примитивов. Состав кванторов представляется немногими единицами: *один*, *два*, *несколько/немного*, *весь/все*, *много/многие*. (См.: Вежбицкая 1999).

В нижегородской микротопонимии производящая база для квантитативов представлена большим набором кванторов. Сюда входят: *один* (*первый*), *два* (*второй*), *три* (*третий*), *половина* (*пол-*, *полу-*), *первенький*, *четыре*, *четвертый*, *двойной*, *двенадцать*, *восемь*, *девятый*, *десять*, *пять*, *пятый*, *двадцать пять*, *тринадцатый*, *тридцать три*, *пятьдесят*, *шесть*, *шестой*, *шестьдесят шесть*, *семь*, *седьмой*, *сорок*, *сорок восьмой*, *сто*.

Прежде всего в микротопонимии представлены единицы с числительными в пределах десяти, *один* – *семь*, – теми, что присущи всей славянской топонимии (см.: Šmilauer 1970), что соотносится с характером системы славянских числительных, которая является десятичной. (Ср.: Супрун 1969).

Неактуальным в нижегородском микротопонимическом пространстве является квантор *один*. Это и естественно, соответствует сути микротопонима как вида онима: сема '*один*' в комплексе '*один из*' уже входит в значение микротопонима, который, как и любой оним, называет объект, выделяя его из ряда ему подобных, *один из* объектов данного рода, именно *данный*, *этот*. В этом состоит суть индивидуализирующей, идентифицирующей и дифференцирующей функций имени собственного, совмещающихся с номинативной функцией. Кроме того, возможно, сказывается тот факт (прототипически соотносительный с характером счета в индоевропейских языках), что счет начинается с *двух*, а *один* предполагает называние предмета. Этим мнением

Т.В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванова оперирует, присоединяясь к нему (Степанов 1989), то есть *берёза, две берёзы* и т.д., а не *одна берёза, две березы*, вместо первого члена, скорее, – *первая берёза*.

Наиболее представленными являются числительные *три* и *семь*, что связано, видимо, с сакральным смыслом этих чисел, а также соответствующие нумеративные определения в составе микротопонимов (*первый, второй, третий, седьмой*).

Микротопонимы, включающие в свой состав основы числительных, называют объект, представляя его составные части в соответствующем количестве. Например: ***Семь Сестёр.*** Урочище. *Эт семь берёз из одного корня там Так и говорят: был у Семи Сестёр.* (Григорово Б.-Мур.).

Многие единицы отражают (рас)положение объекта в ряду ему подобных, причем как в пространстве, так и во времени, в результате создаются отношения очередности, следования (пространственного и/или временного), постепенности: *первый – второй – третий – четвертый* и т.д. И здесь происходит сопряжение числовой семантики с пространством и временем: вторые, третьи и т.д. объекты находятся дальше первых и обнаруживаются при освоении пространства позже их. Детерминирована здесь и семантика отношения, в частности следования, последовательности – пространственной и временной.

В целом система квантитативов представлена несколькими моделями (простые, сложные, составные единицы).

Используются числительные в микротопонимии для обозначения неопределенного количества, в значении *много – мало*, на уровне гиперболы – литоты: ***Тридцать три угла.*** Поле. *Вон как на Неверово идти, поле Тридцать три угла завем: неровно ано, пахать замучисся.* (Александровка Лук.); ***Стополе.*** Лес. *Много полей было там. Вот лес и назвали так – Стополе.* (Ключищи Шатк.); ***Три пуда.*** Место на опушке леса. *Рожь сажали кали-то, а выросло тут всего три пуда. Паэтому и завут так.* (Виля Выкс.).

Значение множества в микротопониме может выражаться и имплицитно, ассоциативно, проясняемое в дискурсе. Например: ***Курятник.*** Дом. *Да дом-ат двухэтажнай, оне там, жители-ти, сами, как куры на шести* [на насесте]. (Шатовка Арз.); ***Второй Китай.*** Бывшее село Воронцово. *Село Воронцово было. Щас оно в Дубенском. Народу там всигда много было, рибятишек полна улица, вот и прозвали Второй Китай.* (Гари Вад.).

Некоторые микротопонимы утрачивают семантическую связь с обозначением количества, несмотря на внешнюю соотнесенность с числительным, то есть наблюдается расхождение семантической и формальной производности. Таковы: ***Пятёрошна-лес.*** Лес. *Хоть мне уж больше девяносто годов, а почему так зовут, не знай: сыстари веку так зовут Пятёрошна-лес.* (Крутой Майдан Вад.); ***Четвёрка.*** Овраг. *Овражек эт нибольшой. Что назвали Четверкой, не знай.* (Ключищи Шатк.). Способствуют забвению причины номинации различные видоизменения микротопонима. Например: ***Сороквашино.*** Долина. *К вяршиня-то уж больно аврагоу много прилягають, авражков. Авражков сорок, чуть меньше. Мы раньше Сороквяршино звали,*

сорок вяршин, значить. (Елфимово Лук.); ***Смиколе́нный.*** Овраг. *Смиколе́ннай и Смиколе́ннай, а почому так назвали не знай.* (Бебяево Арз.). *Стары люди так звали Смикаленнай, и все.* (Кожино Арз.). (Ср.: семиколенный «имеющий семь поворотов, ответвлений»).

Микротопонимы отражают параметр количества своеобразно, представляя сам называемый объект и его оценку диалектоносителем, расчлененность и одновременно целостность реального географического пространства с точкой отсчета от населенного пункта. Таким образом, количественная оценка объекта сопряжена с качественной. Здесь «познавательное и ценностное как бы сливается в акте номинации» (Вендина 1998).

В региональном фрагменте русской языковой картины мира значительно представлен концепт *сакральность* (*сакральный* – от лат. *sacer* «посвященный», «священный, святой», «внушающий благоговейное уважение, великий» – относящийся к вере, религиозному культу, священный, ритуальный), причем как в апеллятивном, так и проприальном компонентах.

В целом сакральное имеет два проявления: относящееся к православию и языческое. Второе приняло вид оппозита священному в соответствии со значениями энантиосемичного латинского адъектива *sacer* – «обреченный подземным богам, т.е. преданный проклятию, проклятый, гнусный»; «магический, таинственный». См. соотношение *святое – сакральное – скверна* у (Степанов 2001). В нижегородском проприальном компоненте регионального фрагмента ЯКМ, отображающем концепт *сакральность*, сохраняется полярность сфер: *божественное – инфернальное*, *верхний – нижний* (локусы).

В микротопонимии Окско-Волжско-Сурского междуречья «церковных» единиц около 5%. Агиомикротопонимы с расширительным значением, как все географические названия, образованные от любых апеллятивов и онимов религиозного характера (причем любой религии), а не только от агионимов (Горбаневский 1989; ср.: Подольская 1988), представлены в регионе рядом парадигм. Прежде всего сюда входят неофициальные экклезионимы, построенные по модели субстантивного словосочетания с зависимым прилагательным: ***Нико́льская часовня. Успенская часовня.*** *Были две часовни, ани изломаны, а знак-то есь, Ни́кольска часовня да Успе́нска. Па Никалаю Угоднику, Чудатворцу да па Успенью Пресвятой Багародицы. В чесь праздников этих строили.* (Круглые Паны Див.); ***Скорбящая церковь.*** *Скорбяща неделя была, после распятья Христа скорбили в нашей церькви. Вот, наверно, поэтому назвали.* (Гари Вад.) – церковь Пресвятой Богородицы Всех скорбящих радости; ***Се́ргиева церковь.*** *Престол наш Се́ргий, вот и церковь так называтся.* (Вторусское Арз.) – церковь в честь преподобного Сергия Радонежского Чудотворца.

Одной из парадигм здесь являются образования от церковных праздников, типа: ***Преображе́нский посёлок.*** Бывший поселок. Урочище. *Кода переселенье было из Шутилова, многи пошли в Преображенскай поселок. По празднику Преображенье назвали. Щас уж эт место.* (Шутилово Перв.); ***Покро́вка.*** Улица. *Эту улицу назвали Пакровкой в честь праздника Пакрава.* (Сергач); ***Тро́ица.*** Место в деревне. *Называтся так потому, что жители*

Ломовки переселились сюды в Троицу. (Сады Арз.); ***Тро́ицкая. Тро́ицкая око́лица.*** Улица. *Гуляли там на Троицу. Ну и прозвали Троицкой, улицу-то.* (Новый Усад Арз.); ***Вознесе́нский родник.*** *Радник был вырыт накануне праздника Вазнисе́нья.* (Верхнее Талызино Сеч.).

В проприальной сфере *божественное* (*верхнее, горнее*) мало представлена сама лексема *бог* и однокоренные единицы, причем за немногим исключением это слова со сложными основами. См.: ***Бо́гов ключ*** (Суроватиха Д.-Конст.); ***Боголюби́мый.*** Колодец (Понетаевка Шатк.); ***Богома́терский.*** Родник (Починки); ***Богоме́тиха.*** Лес (Арапиха Д.-Конст.); ***Богомо́льный овраг*** (Кетрось Бут.); ***Богомо́льский пруд*** (Кетрось Бут.); ***Боголю́бский пруд. Боголю́бское озеро.*** Пруд (Понетаевка Шатк.). Лексемы *божий, божеский, божественный* используются только в мотивационных топонимических текстах, отсутствуя в самой номенклатуре микротопонимов.

Верхний локус религиозной картины мира в (микро)топонимическом фрагменте ЯКМ отражается прежде всего единицами от (со) *святой*. При этом в производных онимах часто реализуется общенародное значение «проведший жизнь в служении богу и церкви или пострадавший за христианскую веру и поэтому признанный церковью небесным покровителем верующих // в знач. сущ. *святой*» (МАС IV, с пометой *религиозное*). Номинация объекта осуществляется по связи с данным значением на основе метонимии. Например: ***Святая́ берёза.*** *Говорят, под этой берёзой святой похоронен. Вот и березу Святой зовут.* (Измайловка Ард.); ***Святой ключ. Святой Ключик.*** *Узники* [святовеликомученики] *там были, долго муцились, вот и назвали Святой ключц.* (Елховка Вад.); ***Святой Пантелеймо́н.*** Родник. *Чаво у нас есь? Святой Пантилиймон – радник. Чай, па святому назвали, вот пачаму.* (Маресево Поч.); ***Свято́шная. Свято́шная улица.*** *Святой челавек тут жил кали-то, на Святошнай.* (Новый Усад Арз.). *Да мужик тут жил какой-то святой, вот и называют Свято́шна улица.* (Сальниково Арз.); а также др.

В этой части микротопонимического пространства находит отражение, хотя в какой-то степени и косвенное, роль святых в духовной жизни на Руси, чей идеал «веками питал народную жизнь; у их огня вся Русь зажигала свои лампадки» (Г.П. Федотов). Само понятие святости значительно древнее и христианства, и русского народа как такового, его культуры и языка. По мнению В.Н. Топорова, современный адъектив *святой* через праславянский корень *svęt- (=*svent-) восходит к индоевропейской основе со значением «возрастание, набухание, вспухание», то есть «увеличение», относящимся к материальному, природному миру. Поэтому христианское употребление слова *святой* могло иметь не только греческий (латинский), но и параллельный дохристианский источник. В свое время с крещением Руси произошла встреча мифологической языческой традиции с идеями, образцами христианства и сложилось представление об иной святости: понимание возрастания в материальном плане сменилось пониманием духовного возрастания, возрастания в духе. Таким образом, *святой* (*Святой*) имеет языческую подоплеку в виде его отношения к природному, материальному миру и христианское осмысление того, что «святой – это тот человек, в ком пребывает особый вид духовно

благодатного возрастания, называемого святостью» (Топоров 1995, I; ср.: Степанов 2001).

Объекты именуются со (от) *святой* и по связи с культовыми сооружениями – церковью, часовней, с атрибутами отправления культа, предметами церковного обихода, каковыми являются икона, крест, молитва. Таковы: ***Свято́й Ключик.*** Лес. *В нём раньше двёнадцать ключей было. А у одного часовенка стояла, вот по ёму, чай, и прозвали лес-ат Святой Ключик.* (Елховка Вад.); ***Святая́ вершина.*** Овраг. *Колодец там был, молиться туды ходили, вот и Святая вершина.* (Кармалейка Ард.); ***Свято́е.*** Лес. *В Свято́е всегда ходили дождя молить.* (Ковалево Перев.); ***Свято́е болото.*** *Туды раньше ходили малиться.* (Неледино Шатк.); ***Свято́й.*** Родник. *Этот родник называют Святым. Сюды молиться ходили. Тут са́мо святое место.* (Абрамово Арз.) и мн. др.

Топонимический эпитет *Святой* используется, прежде всего, в гидронимах, отражая мотив целебных свойств, чудесной силы воды, исцеления ею больных. Здесь видятся и отголоски субстратного, языческого. Например: ***Свято́е озеро.*** *Бывало, все ходили на Свя́то-озеро за водой, ночью за святой водой. Вода там святая, поэтому и зовут Свято́е озеро. Говорят, выпьешь этой воды на Крещенье и весь год болеть не будешь.* (Меленино Вад.); ***Свято́й.*** Родник. *На Святом вода лечебна.* (Рогановка Серг.); ***Свято́й ключ.*** Колодец. *Сюда за водой на Крещенье ходим, вот и Святой ключ.* (Мокрый Майдан Серг.); ***Свято́й колодец.*** *Вада в этим калодце свитая; с иконами к нему хадили.* (Аносово Б.-Болд.). ***Свято́й родник.*** *Потому его Святой назвали, что упосля Крещенья вода в ём святая, вылечиться ей можно.* (Болтино Вад.). Здесь мотивационные тексты проявляют синонимию *святой*, *святая* – *чистая*, *прозрачная*, *свежая*, *легкая*, *хорошая*, *холодная*, *освященная*, *лечебная*, *вкусная*, *целебная* – средоточие всех положительных качеств: «<...> понятия такого типа, как «святость» вод, по крайней мере в исходном локусе, предполагает наличие таких внешних признаков у этих вод, которые поражают наблюдателя некоей положительной предельностью, высшей гармонией, создающими условия для прорыва от феноменального к ноуменальному. Такие «святые» воды могут быть осмыслены как подлинно *святые* и стать объектом культа, но могут и не вовлечься в сферу религиозно-сакрального, оставаясь на уровне «святой» красоты» (Топоров 1995, I) – своего рода «Genius Loci» (ср.: Казначеева 2006), с проявлением синонимической связи *святой* – *красивый*: ***Свято́е.*** Лес. *Святым, наверно, из-за красоты назвали, красиво там очень, а воздух чистай-чистай.* (Танайково Перев.); ***Святая́ берёза.*** *Святая берёза на кладбище ростёт, высо́ка, краси́ва.* (Измайловка Ард.).

Таким образом, *Святой* в микротопонимии является воплощением лучших свойств объекта, собственных или ассоциативных. Мотивационные тексты представляют в этом случае результат атрибутивной номинации. Событийная же номинация определяется не только действиями *молить(ся)*, *освящать*, *просить*, *лечить*, *ходить* (за водой), но и некоторыми другими, бытовыми, не связанными с отправлением культа, типа: ***Свя́то.*** Озеро. *Попы на*

санях зимой ехали по льду да и утонули. С тех пор озеро Свя́том и зовут. (Степурино Нав.).

Есть в микротопонимическом пространстве отэпонимические единицы, в основе которых лежат агионимы, типа: ***Софро́ний.*** Место в лесу. Родник. *Монах в лёсу жил, Софронием звали. Избушка там, колодезь. Воду берём пить. – Там жил раньше святой Софроний, топерь там мужской монастырь. Вода, говорят, святая там.* (Ковакса Арз.); ***Оте́ц Софро́ний.*** Родник. *Пещёра там, округ родника-то, в ней монах жил, отец Софроний, исцелял людей. Давно было. Родник и сечас Отцом Софронием зовут.* (Замятино Арз.); ***Анти́пий коло́дезек.*** Родник. *Анти́пий калодезек был, всё па святым называли.* (Суворово Див.).

Имплицитная в самом ониме сема 'святой' эксплицируется в мотивационном тексте. При этом связь оним – нарицательное *святой* проявляется в текстах не только к отэпонимическим, отагионимным единицам (путем приведения имени святого), но и к отапеллятивным, в том числе с утраченным непосредственным мотивантом, с указанием имени святого или без оного. См.: ***Снакови･щи.*** Ручей. *Тама гара есь. Место-то Снакавишшы. Тама калодезь явленнай атца Сирафима.* (Кочкурово Поч.); ***Ста́рцева яма.*** Овраг. *Эт провал такой в лесу, недалеко от села-то. Он глубокай, вроде восемнадцать метров, что ль, глубины-ти. Там до́лго время жил старец, отшельник, святой. Там вроде и скамья осталась, и ещё что-то находили. Так вот и назвали поэтому.* (Ичалки Перев.).

Названия реалий – предметов, явлений, действий, связанных с понятием *святой,* в проприальной региональной ЯКМ выступают и в качестве мотивантов, внутренней формы, микротопонимов. В их числе, прежде всего, *часовня, церковь, монастырь, икона, крест, молиться,* а также др. Например: ***Часо́венская.*** Урочище (Леметь Ард.); ***Часо́вин дол*** (Анненково Шатк.); ***Часо́вня.*** Часть луга (Тольский Майдан Лук.); ***Часо́вня.*** Родник (Верякуши Див.); ***Часо́венка.*** Место в лесу. Родник (Лопатино Вад.); ***Церко́вино.*** Луг (Туртапка Выкс.); ***Церко́вная.*** Урочище (Неверово Лук.); ***Церко́вное озеро*** (Чернуха Арз.); ***Монасты́рский луг*** (Нехорошево Лук.); ***Монасты́рь.*** Улица (Круглово Ард.); ***Крест.*** Болото (Троицкое Княг.); ***Кресто́в овраг*** (Толба Серг.); ***Кресты́.*** Поле (Малая Мажарка Кр.-Окт.); ***Моле́нная.*** Улица (Борисово Поле Вад.); ***Моле́бка.*** Луг (Борнуково Бут.); ***Моле́бный Куст.*** Озеро (Новоеделево Гаг.).

Около половины агиомикротопонимов приходится на образования с корнем *-поп-*, здесь больше прилагательных с суффиксом *-ов*. Многочисленность таких образований свидетельствует о существовании в структуре российского общества до революции, еще в первые десятилетия XX века социума священнослужителей, а в конечном счете – о роли церкви в жизни государства, каждого региона, каждого человека. По сути дела, в каждой микросистеме были и остаются названия, связанные с лексемой *поп*.

Нижний локус сакральной сферы представлен в основном единицами с корнем *-черт-*. Они связаны с представлением носителей диалекта о нечистой силе, вредящей людям, поэтому с соответствующими объектами (где жи-

вет нечистая сила) связаны какие-то неприятности, драматические или трагические случаи, или само расположение объекта, его удаленность, какие-то отдельные признаки вызывают опасение, внушают боязнь, страх и тем самым отрицательное отношение к нему. Таковы: ***Чертови́ль.*** Место в лесу. *Говорят, там ц'ерти пугают. Вот и назвали Ц'ертовиль.* (Венец Ард.); ***Чертовля.*** Болото. *Ходили слухи, что там чертей видали. С тех пор и зовут Чертовля.* (Большое Окулово Нав.); ***Чертовье.*** Овраг. *В старину говорили, будто черти там жили. Вот и зовут Чертовье.* (Митино Вач.); ***Чертолье.*** Озеро. *Вокруг Чертолья-то деревья кругом росли. Страшно.* (Новый Мир Вад.); ***Черторо́венский ключ.*** Ручей. *Много тут кустарнику, тростнику. Старики сказывали, что там водилась нечиста сила, черти.* (Мальцево Пильн.); ***Черторо́вина.*** Холм (Поздняково Нав.); ***Чёртова яма.*** *Воды нет несколько, а в неё страшно глядеть.* (Питер Арз.).

Обозначения других инфернальных сущностей более редки: ***Водяно́е болото.*** *Не знай, почему так называтся. Не нами было названо. Только все так говорят: Водяно́е да Водяно́е болото.* (Охлопково Арз.). *В поле ано. Па паверьям в балоте якобы видели вадяного. Атсюда и пашло названье.* (Архангельское Шатк.); ***Водя́нка.*** Болото. *Ба́ушка-щ мне рассказвала, что мужики вадянова́ там видали ночей над вадой, са́мо балото страшно: кругом кусты, беряга́, ужасть бирёт. – Беряга́ абры́висты там, как катлавина – ужасти!* (Суморьево Воз.); ***Руса́лочий пруд.*** *Там девок с голыми тилами, длинными касами видали, а заместо ног у них, как у рыб, хвост чэшуёй блистел. Патом памирали люди.* (Докучаево Лук.).

Опасность для человека, исходящая от мифических существ, нечистых, недобрых духов, живущих на том или ином объекте, связанных с тем или иным объектом, передается топонимическим эпитетом *черный*. Одно из значений прилагательного *черный* в литературном языке (из 14-ти по МАС IV) – устар. «по суеверным представлениям: чародейский, колдовской, связанный с нечистью». Это значение, реализующееся в микротопонимическом эпитете *черный*, сопрягается и с другими значениями данного адъектива: перен. «отрицательный, плохой»; «злостный, низкий, коварный»; перен. «мрачный, безрадостный, тяжелый»; «темный, полностью лишенный света» (МАС IV). Проявляются эти качества по отношению к значительно удаленному объекту, к малодоступному месту, трудному для проезда, прохода и потому таящему в себе опасность для здоровья, жизни человека, – лесной чаще, топкому болоту, глубокому оврагу и т.д. Именно названными отрицательными свойствами оказываются обусловленными все неприятности, случившиеся, происходящие на том или ином объекте, поскольку они связаны с нечистой – *чёрной* – силой, ее проявлениями, действиями. См.: ***Чёрное Болото.*** Место в лесу. Часть оврага. *Боялись Черно болото, потому что там русалки живут. Вода в ним чёрна была. Сечас ничего нет. Воды нет. А сё ровно Чёрно Болото. – В этим мессе болото: так и зовут Чёрно Болото. Эт чась Лобановой вершины.* (Юсупово Ард.); ***Чёрный омут.*** Место на реке Сиязьме. *Чёрнай омут – там нечиста живёт.* (Сиязьма Ард.).

Обращает на себя внимание и топонимический эпитет *Поганый*, связанный со значением апеллятива *поганый* «нехристианский», устар., а также – «мерзкий, отвратительный, скверный» (МАС III) и являющийся своеобразным синонимом к *черный*. К нижнему локусу сакральной сферы тяготеют посредники между нечистой силой и миром людей – те, кто помогает нечистой силе: ведьмы, колдуны – черная, поганая сила: ***Пога́ный пруд.*** *Ведьмы и калдуны слетались туда па начам, калдавали да варажили. Атсюда и завут так.* (Б. Арать Гаг.). Это явление засвидетельствовано как внутренней формой самих отапеллятивных названий, так и текстами, причем некоторые из них отображают места слета нечистой силы – деревья, водоемы и т.д. Ср.: ***Ве́дьмин враг.*** Овраг. *Ве́дьмы, говорят, водились там.* (Дубенское Вад.); ***Вязо́к.*** Место около вяза. *Ой, да там, говорят, место слёта колдунов. Это окол вяза, дерева-та. Вот и Вязок.* (Большое Череватово Див.); ***Пя́тницкий вязо́к.*** Дерево. *Этот вязок находится недалеко от села Пятницы. – На Пятницкай вязок в двёнадцать часов слетаются колдуны.* (Шерстино Арз.); ***Кладники́.*** Луг. *Раньше ведь колдуньи были. Вот, говорят, они туды ходили колдовать. Вот и стали звать Кладника́ми.* (Новоеделево Гаг.).

В отдельных микротопонимических текстах наблюдается, отражается сочетание, подчас причудливое, мотивов разных религий – христианской и языческой – одно из частных проявлений христианско-языческого синкретизма. (Ср.: Черепанова 1996; Балова 1999). Например: ***Крестцы́.*** Перекресток двух дорог. *По преданию, там стояла часовенка. – Там колдуны сё собирались, часовенка там была. Дороги скре́шывались, вот и прозвали Кресцы́.* (Леметь Ард.); ***Виде́ний Куст.*** Кустарник. *Там иконку нашли, вот и назвали Виде́ний Куст. Да, бишь, там всё чё-то чудилось, мерещилось, вроде как кто-то, может, нехрись кака́, нечиста, враги.* (Дубенское Вад.).

Единицы, отразившие языческое мировоззрение, номенклатурно или текстуально связанные с названиями духов, нечистой (в представлении христианства) силы, свидетельствуют о сохранении языческого компонента в миропонимании сельского жителя, о сопряжении его с христианским, «о самом фундаментальном синтезе в нашей истории – синтезе славянского язычества и христианской этики» (Колесов 1999; ср.: Гореликов, Лисицына 1999, II; Мокиенко 1986; Савельева 1995; Степанов 2001; и др.).

Проприальный фрагмент региональной русской религиозной ЯКМ с ее полярностью сфер *божественное – инфернальное, белый* (*святой*) *– черный, добро – зло* отличается гораздо большим объемом первой сферы по сравнению со второй. Эта оппозиция, имея индоевропейскую основу, связана с дихотомией *норма – ненорма*. Божественное соответствует норме или превышает ее, определяясь сопряжением *божественное* – лучшее, горнее, возвышающееся над обыденным, идеальное. Инфернальные сущности отмечены знаком минус как ненорма. Сама номенклатура единиц, их внутренняя форма, тексты отражают ориентацию сельского жителя на высшее (святое, святых), на воплощение образцового, которое в понимании православного человека есть божественное, Бог.

В Заключении сформулированы основные выводы исследования.

Основное содержание диссертации отражено в 96 опубликованных работах общим объемом свыше 150 п.л., наиболее значимые из них:

Монографии:

1. **Климкова Л.А.** Нижегородская микротопонимия в языковой картине мира [Текст] / Л.А. Климкова. – М.: МПГУ; Арзамас: АГПИ, 2007. – 394 с. (22,8 п.л.).
2. **Климкова Л.А**. Нижегородская микротопонимия: разноаспектный анализ [Текст] / Л.А. Климкова; МПГУ. – М.-Арзамас: АГПИ, 2008. – 261 с. (15,16 п.л.).

Статьи, опубликованные в изданиях списка ВАК:

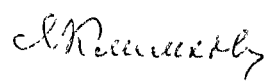
3. **Климкова Л.А. Микротопоним как исторические свидетельство [Текст] / Л.А. Климкова // Русская речь. – М., 2007. – № 2. – С. 101-106 (0,3 п.л.).**
4. **Климкова Л.А. Региональная топонимия в концептуальном аспекте: пространство [Текст] / Л.А. Климкова // Филологические науки. – М., 2006. – № 6. – С. 77-86 (0,5 п.л.).**
5. **Климкова Л.А. Ассоциативное значение слов в художественном тексте [Текст] / Л.А. Климкова // Филологические науки. – М., 1991. – № 1. – С. 45-54 (0,5 п.л.).**
6. **Климкова Л.А. Диалектизмы в произведениях А.П. Гайдара [Текст] / Л.А. Климкова // Филологические науки. – М., 1986. – № 5. – С. 69-72 (0,4 п.л.).**
7. **Климкова Л.А. Трудные случаи орфографии: хлестаковы или Хлестаковы [Текст] / Климкова Л.А. // Русская речь. – М., 1980. – № 6. – С. 119-121 (0,1 п.л.).**
8. **Климкова Л.А. Существительные со значением единичности [Текст] / Л.А. Климкова // Филологические науки. – М., 1979. – № 5. – С. 76-82 (0,4 п.л.).**
9. **Климкова Л.А. Топонимы на -их(а) [Текст] / Л.А. Климкова // Русская речь. – М., 1973. – № 6. – С. 69-72 (0,2 п.л.).**
10. **Климкова Л.А. «А ткачиха с поварихой» [Текст] / Л.А. Климкова // Русская речь. – М., 1972. – № 2. – С. 76-79 (0,2 п.л.).**
11. **Климкова Л.А. Чалдон, чалдонка, чалдонить [Текст] / Л.А. Климкова // Русская речь. – М., 1972. – № 1. – С. 151-152 (0,1 п.л.).**

Учебные пособия, статьи, тезисы:

12. **Климкова Л.А.** Нижегородская микротопонимия: гендерный аспект [Текст] / Л.А. Климкова // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. – 2007. – Т. 13. – С. 180-183 (0,5 п.л.).
13. **Климкова Л.А.** Мордовские детерминативы в окско-волжско-сурской микротопонимии [Текст] / Л.А. Климкова // Региональная лексика в историко-культурологическом аспекте: материалы межвузовских диалектологических чтений. – Арзамас, 2007. – С. 124-131 (0,5 п.л.).
14. **Климкова Л.А.** Сакральное в русском языке повседневности [Текст] / Л.А. Климкова // Православие в контексте отечественной и мировой лите-

ратуры: сб. статей / АГПИ им. А.П. Гайдара, Всемирный Русский Народный Собор, СП России. – Арзамас, 2006. – С. 54-65 (0,75 п.л.).
15. **Климкова Л.А.** Оним в региональной языковой картине мира [Текст] / Л.А. Климкова // Ономастика Поволжья: материалы X Международной конференции. – Уфа, 2006. – С. 130-133 (0,25 п.л.).
16. **Климкова Л.А.** Микротопонимический словарь Нижегородской области (Окско-Волжско-Сурское междуречье): В 3-х ч. [Текст] / Л.А. Климкова, МПГУ. – Арзамас, 2006. – Ч. 1 – 403 с.; Ч. 2 – 336 с.; Ч. 3 – 406 с. (66,44 п.л.).
17. **Климкова Л.А.** Концепт «время» в региональной топонимии: средства вербализации [Текст] / Л.А. Климкова // Проблемы языковой картины мира на современном этапе: сб. статей по материалам Всероссийской научной конференции молодых ученых. – Вып. 5. – Нижний Новгород, 2006. – С. 136-142 (0,4 п.л.).
18. **Климкова Л.А.** У народной памяти много слов [Текст] / Л.А. Климкова // Предания. Народная поэзия Арзамасского края. В двух книгах / Сост., авторы вступит. статей и комментариев: Л.А. Климкова, Ю.А. Курдин. – Арзамас, 2005. – С. 199-358 (10 п.л.).
19. **Климкова Л.А.** Топонимический облик Арзамаса: прошлое и настоящее [Текст] / Л.А. Климкова, М.В. Дудина // Литературное общество «Арзамас»: культурный диалог эпох: материалы международной научной конференции. – Арзамас, 2005. – С. 231-241 (0,6 п.л.).
20. **Климкова Л.А.** Топонимическое пространство региона: некоторые наблюдения и интерпретации [Текст] / Л.А. Климкова // Арзамасские филологические чтения – 2003. – Арзамас, 2004. – С. 65-73 (0,6 п.л.).
21. **Климкова Л.А.** Микротопонимический словарь Нижегородской области: Окско-Сурское междуречье [Текст] / Л.А. Климкова // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. – 2003. – № 3(32). – С. 135-147 (0,75 п.л.).
22. **Климкова Л.А.** Микротопонимия в региональном онимическом пространстве: аспект взаимодействия единиц [Текст] / Л.А. Климкова // Теория языкознания и русистика: Наследие Б.Н. Головина: сб. статей и материалов международной научной конференции. – Нижний Новгород, 2001. – С. 159-161 (0,1 п.л.).
23. **Климкова Л.А.** Параметры микротопонимического пространства нижегородской деревни [Текст] / Л.А. Климкова // Актуальные проблемы современной русистики: материалы Всероссийской научно-практической конференции: В 2-х ч. – Ч. 1. – Киров, 2000. – С. 114-115 (0,1 п.л.).
24. **Климкова Л.А.** Микротопоним как социальный знак [Текст] / Л.А. Климкова // Русский язык и русистика: тезисы докладов и сообщений международной научной конференции. – Екатеринбург, 1999. – С. 162-164 (0,1 п.л.).
25. **Климкова Л.А.** Поэтическая мотивация в нижегородской топонимии [Текст] / Л.А. Климкова // Александр Сергеевич Пушкин и русский литературный язык в XIX-XX веках: тезисы докладов международной научной конференции. – Нижний Новгород, 1999. – С. 162-164 (0,1 п.л.).

26. **Климкова Л.А.** Отношение к лицу как принцип топонимической номинации [Текст] / Л.А. Климкова // Актуальные проблемы современной русистики: тезисы докладов III региональной научно-практической конференции. – Киров, 1996. – С. 43-44 (0,1 п.л.).
27. **Климкова Л.А.** Онимия юга Нижегородской области в системно-функциональном аспекте [Текст] / Л.А. Климкова // Проблемы региональной русской филологии: тезисы докладов и сообщений. – Вологда, 1995. – С. 119-121 (0,1 п.л.).
28. **Климкова Л.А.** Арзамас [Текст] / Л.А. Климкова // Русская ономастика и ономастика России: словарь / Под ред. О.Н. Трубачева. – М., 1994. – С. 17-21 (0,3 п.л.).
29. **Климкова Л.А.** Об онимическом пространстве русской деревни [Текст] / Л.А. Климкова // Деревня Центральной России: история и современность: тезисы докладов и сообщений научно-практической конференции. – М., 1993. – С. 51-53 (0,1 п.л.).
30. **Климкова Л.А.** Структурная характеристика ойконимов Нижегородской области [Текст] / Л.А. Климкова // Центральночерноземная деревня: история и современность: тезисы докладов и сообщений научно-практической конференции. – М., 1992. – С. 132-134 (0,1 п.л.).
31. **Климкова Л.А.** Региональное онимическое гнездо как микросистема [Текст] / Л.А. Климкова // Актуальные проблемы филологии в вузе и школе: материалы 6-ой Тверской межвузовской конференции ученых-филологов и школьных учителей. – Тверь, 1992. – С. 69-70 (0,1 п.л.).
32. **Климкова Л.А.** Топонимическая система региона как отражение истории страны [Текст] / Л.А. Климкова // Тезисы региональной научно-практической конференции «Исторические названия – память народа». – Горький, 1990. – С. 34-37 (0,25 п.л.).
33. **Климкова Л.А.** Специфические явления в региональной ономастике [Текст] / Л.А. Климкова // XVIIth International Congress of Onomastic scienas: Abstracts / Helsinki Suomi. – Finland. – August 13-18, 1990. – P. 181 (0,06 п.л.).
34. **Климкова Л.А.** Диалектолого-ономастическая работа в вузе и школе: методические рекомендации [Текст] / Л.А. Климкова. – Арзамас, 1988. – 91 с. (5 п.л.).
35. **Климкова Л.А.** Региональная ономастика. Микротопонимия Арзамасского района Горьковской области: учебное пособие к спецкурсу [Текст] / Л.А. Климкова. – Горький, 1985. – 97 с. (5 п.л.).
36. **Климкова Л.А.** Изучение топонимии южных районов Горьковской области и проблемы составления микротопонимического словаря [Текст] / Л.А. Климкова // Диалекты и топонимия Поволжья. – Чебоксары, 1980. – С. 62-94 (1 п.л.); а также другие.



одп. к печ. 04.09.2008 Объем 4 п.л. Заказ №. 111 Тир 100 экз.
Типография МПГУ